

НИНА ПЕТРОВСКАЯ

**SANCTUS
AMOR**

1 9 0 8

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «ГРИФЪ»

НИНА ПЕТРОВСКАЯ.

SANCTUS AMOR.

РАЗСКАЗЫ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„ГРИФЪ“.

МОСКВА. — 1908.

ТИПОГРАФИЯ В. М. САВЛИНА.

Москва, Петровка, д. Обидиной, Тел. 131-34.

ПОСВЯЩАЮ
СЕРГѢЮ АУСЛЕНДЕРУ.

ОНА ПРИДЕТЬ.

Утро. Сегодня двадцатое сентября. Я сижу на балконѣ, курю и думаю.

Богъ знаетъ, о чемъ я думаю въ этотъ часъ осенней меланхолической тишины. Можетъ быть, даже я и не думаю, а просто прислушиваюсь, какъ колеблются мои чувства опредѣленно мѣрнымъ дневнымъ ритмомъ, просто отдыхаю послѣ ночи.

Я давно уже не люблю и пугаюсь ночей. Сонъ мой прерывистъ и тревоженъ. Проснешься. Одинъ.

Смотришь въ тьму, слушаешь, какъ гду-

хо бьется сердце, и приходятъ безнадежныя горькія мысли — объ одиночествѣ, о старости, о смерти. Тогда уже ничему не вѣришь, и душа каменѣетъ.

Такъ вотъ, я отдыхаю отъ ночи и безцѣльно смотрю вокругъ.

Далеко за деревьями высокая желѣзнодорожная насыпь, а надъ ней узкой полоской бирюзовое небо.

Точно тянутся рядомъ двѣ ленты — желтая и голубая.

Около меня пустая заколоченная дача. Въ томъ палисадникѣ тоже облетаютъ деревья, а въ клумбѣ острыми палками торчатъ высокіе обломанные стебли георгинъ.

Надъ желтыми березами съ надорваннымъ крикомъ проносятся вороны. Мимо балкона по дорогѣ медленно ползетъ чей-то запоздалый возъ. Высоко качается велосипедъ. На солнцѣ ярко горятъ колес-

ныя спицы, а рядомъ съ дѣтской колясочкой, на самомъ краю телѣги, примостилась маленькая черная собачка и смотритъ вдумчиво.

Самоваръ совсѣмъ потухъ. Сегодня я не читалъ даже газетъ...

Выхожу на дорогу. Тихо. Только листья шуршатъ подъ ногами, да протяжно кричатъ вороны. Отхожу въ сторону. Прячусь за кустами. Сажусь подъ березой и уютно прижимаюсь къ широкому стволу. Какъ хорошо, что никто не видитъ моего лица!

Маленькія сѣрыя мошки съ прозрачными крылышками ползаютъ по рукамъ.

Скоро, скоро, можетъ быть, завтра, многія изъ нихъ умрутъ отъ перваго утренняго мороза, и вѣтеръ понесетъ неизвѣстно куда ихъ маленькіе холодные трупы.

Думаю о нихъ. О странно короткой жизни, черпающей силы изъ солнечнаго луча,

о ихъ покорной, молчаливой смерти, и улыбаюсь чернымъ движущимся точкамъ.

Свистящей змѣей вдали проносится поѣздъ.

Встаю на пригорокъ и долго машу платкомъ. Въ чьихъ-нибудь глазахъ запечатлѣется фигура одинокаго челоуѣка съ бѣлымъ платкомъ.

Кому-нибудь, можетъ быть, приснится бѣлый платокъ на золотѣ листьевѣ — привѣтъ неизвѣстной души.

Проходить часъ или больше, — не знаю. Золотые лучи льются съ ненужной лаской.

Все равно, — медленно изсохнетъ трава, на деревьяхъ обнажатся острые черные сучья, и сѣверный вѣтеръ, какъ поздняя жалоба истомленнаго сердца, со свистомъ понесется надъ полями.

Я проснулся сегодня поздно. Ночью слышалъ подъ окнами шопотъ и шелестъ листьевѣ.

Кто приходилъ къ моимъ окнамъ? Не женщина ли, которая напрасно ждала меня цѣлый вечеръ? Или никого не было, и только осень шепталась съ ночью о рядѣ праздниковъ, что она думаетъ устроить. Объ иллюминціяхъ изъ падающихъ звѣздъ, о деревьяхъ, для которыхъ скорѣе нужно приготовить самые яркіе прощальные наряды. Не знаю, кто былъ подъ моими окнами, но я не спалъ и не тушилъ свѣчи.

Я не спалъ еще и потому, что къ ночи всегда падаю духомъ и думаю о томъ, что нужно забыть.

Да, тѣ, кого ждалъ, не пришли. Праздникъ не состоялся, и вотъ сердце онѣмѣло.

Третьяго дня я убѣждалъ отъ одиночества и всю ночь просидѣлъ на платформѣ съ гимназистомъ.

Его товарищи давно учатся, а онъ все здѣсь.

Молодая дама, которую онъ любилъ три мѣсяца, уѣхала съ мужемъ за-границу.

Когда она стояла у окна вагона, въ нарядномъ дорожномъ платьѣ, съ букетомъ розъ и улыбалась знакомымъ, гимназистъ спрятался за бочками, что ждали товарнаго поѣзда, и плакалъ.

— Я на будущій годъ кончаю гимназію, — говорилъ онъ горько, а въ это утро плакалъ, какъ приготовишка.

Такъ вотъ мы сидѣли съ гимназистомъ. Онъ съ язвительной улыбкой говорилъ о своей разбитой жизни, а въ станціонномъ саду шумѣли березы, и по линіи горѣли зеленые огни.

Боже мой, какая хорошая была эта ночь! Мнѣ вспоминалось счастье и мои восемнадцать лѣтъ. Въ эту ночь я видѣлъ самый плѣнительный сонъ.

Сегодня я не могъ обѣдать. Котлеты такъ и стыли до вечера.

Къ моимъ окнамъ пришелъ шарманщикъ и долго игралъ что-то знакомое, невыносимо грустное. Я увѣренъ, что онъ игралъ не для меня.

Сначала думалъ о томъ пятакѣ, что, завернувъ въ бумажку, я брошу черезъ загородку, а потомъ забылъ и замечтался самъ.

Я слушалъ, и опять ко мнѣ пришли ночныя горестныя мысли.

Думалъ о женщинѣ, что придетъ вечеромъ. О женщинахъ, которыя приходятъ по вечерамъ въ наши одинокія комнаты.

Вотъ наступаетъ вечеръ, и онѣ идутъ. Каждая со своей маленькой, нѣжной тайной.

Ни одинъ изъ встрѣчныхъ не узнаеть, какой даръ несетъ она сегодня.

Это будетъ извѣстно только на разсвѣтѣ, когда мужчина длиннымъ взглядомъ проводитъ ее, уходящую.

Когда въ его глазахъ, какъ въ раскрытой книгѣ, можно будетъ прочесть, — приходило это счастье или только его больная безжизненная тѣнь.

Солнце заходитъ въ тучи. Желто-ржавой полоской сквозитъ изъ-за деревьевъ холодная заря.

Надѣваю пальто и поднимаю воротникъ. Осенью темнѣетъ быстро. Не успѣю выкурить двухъ папиросъ, какъ стемнѣетъ совсѣмъ.

Скоро придетъ женщина. Моя душа покорно никнетъ. Я уже чувствую себя выхваченнымъ изъ обычнаго строя чувствъ и начинаю лихорадочно дрожать.

Такъ всегда передъ встрѣчами съ ней. Хочу ихъ и знаю — не нужно.

Пальцы стынуть отъ холода. Березы шуршащими листьями говорятъ со мной о счастье.

Оно проходило по этой дорогѣ.. мимо нихъ. Онѣ не забыли.

Оказалось не то. Ко мнѣ просто пришла не та женщина, которую я ждалъ, и праздникъ не состоялся. Это случается часто. Ждутъ одну, а приходитъ другая. Сначала не знаешь, а потомъ...

Вотъ она подходитъ къ калиткѣ. Идемъ на балконъ, садимся на ступенькахъ.

— Я ждала тебя вчера, — говоритъ она съ легкимъ упрекомъ. — Почему не пришелъ?

— А это не ты приходила къ моимъ окнамъ ночью? — спрашиваю я.

— Къ твоимъ окнамъ? Ночью? — удивляется она. — Что за странныя у тебя мысли? Зачѣмъ бы пришла я къ твоимъ окнамъ? Вчера, ожидая тебя, я укладывала вещи — вѣдь завтра мы ѣдемъ. А ночью вернулся мужъ.

Смотрю на нее. Маленькая. Закуталась

въ бѣлый платокъ. Лицо спокойное. Такъ разговариваютъ жены на пятый годъ брачной жизни.

Ночь прильнула къ деревьямъ. Березы молчатъ и думаютъ что-то долгое, упорное, жестокое.

Въ груди у меня невеселая, странная легкость.

— Такъ, значитъ, это не ты приходила къ моимъ окнамъ? — спрашиваю я, улыбаясь.

А вотъ та, другая, о которой я тоскую всегда, — она пришла бы.

Кто знаетъ, не простояла ли бы она тамъ до утра...

Правда, она поблѣднѣла бы за ночь, у ней не было бы твоихъ цвѣтушихъ щекъ... Но какъ бы мы встрѣтились утромъ!..

— Что ты говоришь? — не понимаетъ она. — Кого ждешь? Если ты ждешь кого-то еще, значитъ ты не любишь меня.

Или отъ одиночества и праздности у тебя такія безумныя мысли?

О, какая у меня легкость въ груди!

Мнѣ тепло, я смѣюсь, точно пьянъ я сегодня.

— Слушай,— говорю я просто,— это ошибка. Ты не та, — вотъ и все. Она могла бы имѣть твое лицо, твои прекрасные глаза, твой нѣжный, умный лобъ, но пришла все же не она, а ты.

Вотъ ты въ часъ свиданія аккуратно укладываешь вещи, а послѣ спокойно спишь рядомъ съ твоимъ мужемъ въ вашей семейной спальнѣ... А у той, которую я жду, не будетъ ничего, кромѣ любви, потому что ея душа отъ вѣка отдана мнѣ.

Она встаетъ со ступенекъ. Маленькая. Въ бѣломъ платкѣ.

— Да,— говоритъ она, гордо выпрямляясь, — вѣдь это одинъ изъ нашихъ обычныхъ разговоровъ.

Я должна бросить мужа, должна думать о тебѣ и день и ночь, до разсвѣта страдать у твоихъ оконъ... Что должна я дѣлать еще?

Но ты забываешь, что кромѣ любви есть еще жизнь.

Слово «жизнь» она произноситъ, какъ угрозу. Ходитъ по дорожкѣ. Глаза у нея навѣрно, острые, холодные...

А впрочемъ, какое дѣло мнѣ до ея глазъ! Подходить близко. Беретъ мои руки.

— Тобой завладѣло безуміе, — говоритъ она грустно. — Опомнись!.. Развѣ есть на свѣтѣ такая любовь!

Боже мой! Я смѣюсь, я точно пьянъ. А березы все думаютъ свое, злое, беспощадное, упорное.

— Ну, довольно, — говорю я просто. — Я только не знаю, почему мы расстаемся именно сегодня, а не полгода назадъ и не

въ первыйъ часъ первой встрѣчи. Видитъ Богъ, не знаю.

— Что жъ, прощай, — говоритъ она оскорбленно. — Даже изъ любви къ тебѣ я не перестану быть собой.

Протягиваю руку. Смотрю въ лицо еще разъ, съ послѣдней надеждой.

Нѣтъ! Не та.

Опять ночь. Но мнѣ не заснуть. Только плотнѣй застегну пальто и останусь на балконѣ.

Нѣкоторое время борюсь съ тяжелымъ оцѣпенѣніемъ. Я совсѣмъ обезсиленъ этой встрѣчей. Но мнѣ хорошо.

Никто не смстритъ въ лицо, никто не извить обидой, не называетъ «безумнымъ».

Я опять могу думать о чемъ хочу исплѣшными волнами набѣгающихъ мыслей.

... Она, та, которую жду я всю жизнь, — она придетъ!.. Въ эту ночь гдѣ-то далеко

или близко она томится по мнѣ, никнетъ, какъ блѣдный стебель безъ солнца.

Она придетъ, и жизнь тихо озарится изнутри.

Каждое мое слово вызоветъ глубокой гармоническій отзвукъ въ ея поющей душѣ, и мнѣ не нужно будетъ кричать, какъ съ глухими.

Можетъ быть, она совсѣмъ близко, и только дни между нашей встрѣчей... Или она далеко, на сѣверѣ... У нея смуглое, словно изваянное изъ камня лицо, а въ глазахъ цвѣтеть любовь и синяя глубь суровыхъ фіордовъ.

Она придетъ! Она придетъ, — говорю я, прижимая къ груди холодныя руки. И плачу.

Ночь съ извѣчной печалью прильнула къ землѣ и шепчетъ черными губами: придетъ!.. послѣ смерти.

ЛОЖЬ.

Кто ты? Я видѣлъ тебя два раза и не знаю, была ты или приснилась. Постой. Я вспоминаю. Мы стояли гдѣ-то наверху. Пахло влажной землей, надъ головами низко свѣшивались широкіе вырѣзные листья. Непонятное и грубое шумѣло внизу. Бѣлые столики рядами и отдѣльные у стѣнъ. Много чужихъ лицъ. Я только сейчасъ ихъ вспоминаю, а тогда мы не видали никого. Наклонились подъ листьями. Онѣмѣли. Близко.

Слышала, какъ у меня билось сердце?

Свѣтлымъ прозрачнымъ виномъ наполнилось до краевъ и билось медленно, медленно — какъ передъ смертью. Твое лицо у меня на плечѣ. Чужое непонятно - прекрасное лицо. Волосы твои что-то пѣли, прикасаясь къ щекамъ.

Что это? Откуда? «Не знаю... Это музыка». Слушаемъ блѣдные. Концы пальцевъ похолодѣли. «Гдѣ вы живете?»

Смятый бѣлый листочекъ невинно прилежъ на отсырѣвшей каменистой перилѣ. От движенія карандаша протянулась тонкая незримая нить между двумя еще вчера далекими жизнями.

Напишите?

«Да».

Внизу фонарики. Бѣлые, красные вздрагиваютъ между вѣтвями. Въ прихожей шумно... Кто-то потерялъ калошу. Хлопаютъ двери, врывается холодный бѣлый паръ. Бубенчики звенятъ у крыльца. Прощайте?..

«Штъ, мы вмѣстѣ».

Уже утро. Кто укралъ ночь? Будто не было ея. Только тамъ подъ листьями чувствовали мы ее. Помнишь?

Не забыла, какъ ѣхали? Или это случилось подъ утро? — Свѣтлое жемчужное небо, снѣгъ, синевалъ. Бѣлая скрипящая дорога. Бубенчики звенятъ точно вдали. Хочется лечь въ мягкій синій снѣгъ. Широко открытыми глазами утонуть въ свѣтлѣющемъ небѣ. Чтобы руки, твои поющія и ѣжныя руки ласково легли на заолодѣвшій лобъ. Пусть, медленно изнемогая отъ радости, бьется сердце. Хочется тихой бѣлой смерти подъ утренній звонъ колоколовъ.

У тебя печальные глаза. Кто ты? Почему ты такъ просто вошла въ мою жизнь?

«Не надо спрашивать. Нужно покорно приближаться къ любви. Мы такъ мало любимъ. Встрѣчаемся и уходимъ, можетъ

быть, навсегда. Не хочется узнать, подойти; думаешь — успѣю. Посмотри мнѣ въ глаза. Вотъ такъ. Сегодня насъ поцѣловала судьба».

Бдемъ почти молча. Держу твои руки. О чемъ-то простомъ и ясномъ разсказываютъ ласковые пальцы.

Зимній разсвѣтъ медленно преодолеваетъ ночь. На мосту еще фонари горятъ, а сквозь высокія желѣзныя арки уже видны просвѣтленныя снѣжныя дали.

Твое лицо блѣдно и серьезно. Тонкіе серебряные лучи протянулись отъ него къ сердцу.

И сердце бьется медленно медленно, точно передъ смертью.

Не помнишь, какъ мы разстались?.. У воротъ дворникъ въ мохнатой шубѣ, — чудовище городскихъ ночей. Гдѣ-то съ острымъ звукомъ соскребаютъ снѣгъ. Иду

по бѣлому пустынному двору. Была ты или только приснилась подь утро?

День былъ длиненъ и грустенъ, о немъ не стоитъ говорить.

Вечерь. Я у тебя, въ незнакомой комнатѣ. Морозной паутиной затянулось узкое окно.

Гдѣ-то далеко одинокій электрическій фонарь. Тѣни пляшутъ на стеклѣ.

Мы забыли, что это самая обыкновенная комната, съ цифрой на дверяхъ. Всѣмъ чужая. Съ постелью, гдѣ часто спятъ равнодушные пріѣзжіе люди. Самая обыкновенная комната, — обои съ цвѣточками, умывальникъ выкрашенъ желтой краской, на дверяхъ номеръ—139. На столѣ, на бѣлой скатерти, тикаютъ мои часы.

Сидимъ близко, тѣсно прижались. Медленно сливаются холодящія губы. Хочется говорить шопотомъ.

— Ты отдалась бы мнѣ радостно?

«Да».

— Ты ждала меня?

«Да».

— Ты моя?

«Да».

Постой. Тише. Слушай музыку. Вотъ звенящія волны отдѣляются отъ твоего тѣла. Разсказываютъ о тебѣ. Я знаю, ты близкая. Мы мало говоримъ, но, посмотри, какъ свободно и легко ты прикоснулась къ моему сердцу. Уѣдешь, а свѣтлая солнечная полоса надолго протянется за тобой. Буду смотрѣть тебѣ въ слѣдъ съ тихой благодарностью.

Смотримъ другъ на друга строго, торжественно, точно даемъ большую клятву,

Уже поздно. Электрическая лампочка вспыхиваетъ пронзительнымъ свѣтомъ. Поправляемъ бѣлую сдернутую скатерть. Мы устали. Мы — какъ актеры въ тѣсной уборной послѣ представленія. Не хочется сни-

мать пышныхъ царственныхъ мантий. А уже ждетъ опять знакомое платье, такое поношенное...

Улыбаемся смущенно, грустно. Руки у меня дрожать. Опять оторвалась пуговица у пальто.

Послѣдній разъ смотрю на дверь — 139. Длинные, длинные ступени внизъ...

У моихъ воротъ тотъ же дворникъ въ мохнатой шубѣ. Поднимаюсь по лѣстницѣ. Долго, долго снимаю пальто.

На столѣ остатки грустнаго ужина и потухшій самоваръ. Жена сегодня не дождалась меня.

«Ты вернулся» — спрашиваетъ она черезъ стѣну.

Я не узнаю голоса. Но это она. Кто же еще! Все позади. Я вернулся! Сейчасъ, сейчасъ...

РАБЪ.

Темнѣть. На озерѣ сѣрыя волны. Сосны почернѣли и шумятъ.

Я уѣзжаю. Уложены вещи, уплачены счета, порвались всѣ нити, что два мѣсяца связывали меня съ маленькой лѣтней комнатой; черезъ часъ пустая, холодная, она безжизненно затихнетъ до будущей весны.

Послѣдній разъ стою у окна, и туда, въ шумящій мракъ, горько улыбаюсь соснамъ, гранитамъ и блѣдному небу,—голубоокою странѣ шлю печальную благодарность за отошедшіе ясные дни.

Два мѣсяца назадъ пріѣхалъ я сюда, какъ беззаботный, лѣтній гость. Тогда зацвѣтала сирень, и на терасѣ чуть завивался нѣжно-зеленый, тонкій хмѣль.

Меня провожала жена. Усталая, грустная, въ пыльномъ дорожномъ платьѣ она сидѣла на постели и съ горькимъ упрекомъ смотрѣла мнѣ въ глаза. Обижалась, что я хотѣлъ остаться безъ нея, не понимала радости уединенія.

Когда мы прощались, въ глазахъ ея стояли злыя, упрямыя слезы, а мнѣ хотѣлось пѣть, смѣяться, убѣждать отъ ея вагона прямо въ шумящій незнакомый лѣсъ. Цѣловать тамъ розовые стволы тоненькихъ сосенъ, забыться въ душистозеленомъ мрачѣ, не помнить, не думать, не знать ничего.

Въ маленькомъ домицѣ надъ тихимъ озеромъ насъ поселилось четверо — два финна съ бронзовыми лицами, знающіе только свой непонятный и трудный языкъ,

я и она,— та, которая ходитъ сейчасъ по пустынному берегу, ломая тонкіе пальцы.

Мы познакомились вечеромъ перваго дня.

Блѣднымъ золотомъ горѣла сапфирная вода. Золотыя искры сверкали въ черныхъ волосахъ. Грустное лицо тихо розовѣло въ бархатно-теплыхъ лучахъ.

— Вы одна здѣсь?

«Одна».

— Можно посидѣть около васъ, на этомъ камнѣ?

«Можно».

Улыбнулась просто, ясно, какъ ребенокъ.

Погасъ золотой пожаръ, похолодѣла, поблѣднѣла вода, воздушнымъ серебромъ засіяла вдали. Въ молитвенно - строгой тиши наступила бѣлая, сѣверная ночь.

Въ старой лодкѣ, плотно врѣзанной въ остывшій песокъ, сидѣли мы двое.

Я слушалъ нѣжный, незнакомый голосъ,

смотрѣлъ въ непонятно дорогое лицо, и казалось мнѣ, что ласковые, свѣжіе пальцы тихо касаются моего темнаго сердца, никогда не знавшаго счастья.

Развѣ жизнь моя съ той, что десять лѣтъ называлась моей женой, не была тяжелымъ подвигомъ, вѣчной тоской по ней, по незнакомой женщинѣ съ печальными глазами?

Съ тѣхъ поръ прошло два мѣсяца. Воплотилась мечта. Послѣ долгой муки мы нашли другъ друга, мы были вмѣстѣ, мы любили.

Я не помню, когда она приходила, я не знаю, какъ мы разставались, точно длилась одна безконечная брачная ночь.

А маленькіе сѣрые конверты, надписанные ломающимся дѣтскимъ почеркомъ, все съ большимъ упорствомъ ложились по утрамъ у моей — у нашей постели.

И вотъ около сложенныхъ вещей стою

я, какъ воръ. Черезъ часъ въ опустѣлой комнатѣ она останется одна.

Можетъ быть, задыхаясь отъ слезъ, она упадетъ на наши холодныя подушки и здѣсь, какъ трупъ, пролежитъ до утра. Можетъ быть, останется у чернаго окна, и въ шелестящій мракъ, съ упорнымъ отчаяніемъ, съ нѣмымъ проклятіемъ вонзятся острые, блестящіе зрачки.

Я буду далеко.

Завтра ночью, вся теплая и розовая отъ сна, маленькая женщина спрыгнетъ, ликуя, съ своей одинокой постели и привычно страстнымъ поцѣлуемъ разожметъ мои нѣмыя холодныя губы. Увижу знакомыя стѣны, строгіе ряды книгъ на высокихъ полкахъ, мой забытый письменный столъ. Вся жизнь моя вновь сожметъ роковымъ безысходнымъ кольцомъ, но я не захочу ничего, кромѣ этой комнаты, что покидаю... Знаю, все знаю!..

Я бѣгаю отъ угла до угла, отъ угла до угла.

Закрываю глаза...

Блаженно - ясное лицо выступаетъ изъ мрака.

— Ты со мной навсегда?

— Навсегда,—отвѣчаю я чуть слышно.

— Я знала, знала, мы не можемъ разстаться,—говоритъ она, улыбаясь.

— Мы не можемъ разстаться, повторяю я тихо.

Маленькая женщина, съ смѣшнымъ, полудѣтскимъ лицомъ, грубо встаетъ между нами.

Десять лѣтъ я знаю это лицо, эти властные слабыя руки. Во всѣ минуты, когда я хотѣлъ быть собой, она приходила такая. Что-то привычно-теплое, сонное, качающее какъ колыбель, волнами движется отъ нея ко мнѣ и медленно омрачаетъ сознание.

Хочется лечь, задремать, странно жажду я
ея покоя и тепла.

.....*Она* медленно входитъ въ комнату.
Лицо у нея, въ сумракѣ, бѣлое, красивое,
бездумное, какъ у мертвыхъ. Стемнѣло
совсѣмъ. За окнами черныя сосны и мракъ.

Сидимъ рядомъ на бѣлой несмятой по-
стели. У насъ холодныя, холодныя руки.
Я знаю, ей хочется плакать, дико и громко
стонать, но говорить она просто, и голосъ
ея ясенъ, какъ всегда.

— Поцѣлуй меня,—говорить она.

Свершается печальный и страшный
обрядъ. Въ жуткій мракъ, въ глухую, без-
грезную ночь увлекаетъ покорное, страст-
ное тѣло.

— Я твой, возьми мою жизнь, мою душу.
Я твой навсегда.

Померкшіе влажные глаза смотрять
точно съ далекаго, тихаго дна.

Мы двое рядомъ. За окнами черныя сосны и мракъ.

Нужно рѣшить все, сейчасъ, немедленно. Кажется, такъ просто съ беззаботнымъ смѣхомъ вскочить съ этой страшной постели, вмѣстѣ раскрыть уродливые чемоданы, выбросить книги, вещи, бѣлье, раскидать ихъ вездѣ, сказать ей только одно, одно слово, — а потомъ — взять бѣлый листъ и беззаботной рукой убить маленькую женщину съ ея ненужной десятилѣтней любовью.

Она встанетъ, прямая, строгая, лицо у нея какъ бѣлая каменная маска. Нѣсколько мгновений смотримъ другъ на друга, мы — оба навсегда простившіеся съ жизнью. Цѣлую ея руки. Въ глазахъ моихъ, какъ въ зрачкахъ убійцы, навсегда запечатлѣются дрожащія бѣлые пальцы.

Вдоль темныхъ заборовъ я ѣду, какъ воръ. Сосны шумятъ, плещутъ сѣрыя

волны, камешки шуршатъ на берегу. Мнѣ холодно, мнѣ такъ холодно, точно вся грудь моя превратилась въ кусоѣ голубого прозрачнаго льда.

II.

Ночь. Черныя сосны качаются въ мозгу. Меня встрѣчаетъ жена.

Въ спальнѣ двѣ постели сдвинуты рядомъ. Такъ было десять лѣтъ назадъ, такъ будетъ всегда.

Сидимъ мы близко, раздѣтые, въ бѣлыхъ рубашкахъ. Мнѣ стыдно моего полуголаго тѣла. Хотѣлось бы быть здѣсь въ застегнутомъ черномъ сертуѣ, въ высокихъ колющихъ воротникахъ. Смотрю на близко склоненную полную шею жены, и тусклый, бѣлый туманъ застилаетъ глаза.

Медленно, медленно сдавить пальцами упругую бѣлую шею, долго смотрѣть въ помертвѣвшіе отъ ужаса глаза, потомъ

бросить ее, обезумѣвшую, дико захохотать, закружиться по комнатѣ въ бѣлой, короткой рубашкѣ и все хохотать, хохотать...

Она придвигается ближе, круглая, голыя руки легли мнѣ на плечи, въ глазахъ знакомый пьяный призывъ.

«Я не видала тебя два мѣсяца», говоритъ она, значительно улыбаясь.

Маленькія руки грубо привычнымъ движеніемъ касаются тѣла. Ложимся мы близко. Полуголая, счастливая, торжествующая, она безстыдно тянется ко мнѣ.

Съ открытыми глазами я глухо падаю въ тьму.

— Прости меня, ты знаешь, я твой — шепчу я чуть слышно въ нѣмую, отошедшую даль.

— Я кук-ла, — говорю я женѣ.

Она не понимаетъ и смѣется послѣднимъ бессмысленнымъ смѣхомъ... Я кукла...

Черныя сосны качаются въ мозгу.

ВЕСНОЙ.

Тоска по той, что ушла изъ моей жизни навсегда, каждый годъ возвращается вмѣстѣ съ весной.

Весна всегда приходитъ въ январѣ. Говорятъ, что она начинается въ мартѣ, но это неправда. Уже послѣ новаго года въ слишкомъ алыхъ закатахъ проступаетъ ея воскресающій лицъ. Въ прозрачныхъ сумеркахъ длиннаго, тонко-звонящаго январскаго дня я чую ея нѣжную поступь и говорю: слышите — весна!

Невѣрятъ, смѣются какъ надъ безумнымъ. Улицы въ снѣгу и холодно — какая весна!

Пусть! Я дышу ею съ января, они позже — не все ли равно.

Эта весна третья безъ нея, а душа все печальна и вѣрна. Попрежнему виситъ ея портретъ, только я плотно закрылъ его бѣлой кисеей.

Точно изъ гроба, смутно выступаетъ высокій лобъ, потемнѣли и впали глаза. Плечи, платье, нѣжная шея слились, ихъ не различаетъ взглядъ.

Не нужно смотрѣть, довольно вспоминать. Мое горе смирилось и стихло за годы.

Но весной какой-то странный обманъ овладѣваетъ душой. Знаю, что не увижу, но жду. Приношу цвѣты, — тоненькіе мучительно пахнушіе нарциссы, спускаю зеленныя шторы, по утрамъ не выхожу изъ дома, — жду. Къ вечеру розовые отблески прощальнаго солнца тихо догораютъ въ небѣ. Надъ головой оно высокое, блѣдно-зеленое, какъ хрусталь, а горизонтъ въ

крови. Улицы такія широкія, словно раздвинулись, чтобы дать дорогу веснѣ. На снѣгу воздушно-синія тѣни близкаго вечера.

Въ этотъ часъ колокола поютъ нѣжными серебряными голосами, въ этотъ часъ подъ темными сводами церквей зажигаютъ высокія желтыя свѣчи, а въ голубѣющіе четырёхугольники высокихъ оконъ вдумчиво и грустно смотритъ весна.

Хожу и жду ее. Развѣ невозможна встрѣча? Такъ просто. Вотъ въ толпѣ мелькнетъ ся тонкая неловкая фигурка. Черная шапочка слегка сдвинута на затылокъ, нѣжный очеркъ блѣднаго лица. Въ синихъ глазахъ весенняя ясная даль.

И кажется, что плыветъ она выше земли, такая далекая грубой улицѣ, гдѣ звенятъ конки, кричатъ извозчики и изъ хлопающихъ дверей булочныхъ пахнетъ свѣжимъ хлѣбомъ.

Я забылся, я странно вышелъ изъ кру-

га точныхъ впечатлѣній. Она впереди идетъ навстрѣчу.

Черная шапочка, тонкая фигурка. Ты!— вдругъ безумно дрогнетъ сердце.

Проходить близко. У этой розовыя щеки, черные глаза и рядомъ ребенокъ. Въ толпѣ я не замѣтилъ ребенка.

Встрѣчаемся. Проходить молча, чужая. Не знаетъ, что одинъ мигъ была чьей-то прекрасной мечтой.

Еще одна. Опять острый толчокъ въ груди и грустный смѣхъ на губахъ.

Иду. Въ холодномъ мракѣ издрогло сердце. Улицы вновь тѣсны. Кое-гдѣ блеснули фонари, снѣгъ морозно горитъ.

Кто сказалъ, что весна? Просто зимній вечеръ и часть обѣда. Вхожу въ ресторанъ. Рѣжущій свѣтъ электрическихъ лампъ больно ударяетъ въ глаза. Стонетъ румынскій оркестръ. Эстраду украсили камеліями, а ихъ не бываетъ весной.

Въ рукахъ длинный листочекъ — меню.
Все такъ просто.

Но вѣдь третья весна бѣзъ нея. Сегодня вспомнилъ, что за три года не цѣловаль ни одной женщины и разсмѣялся.

Опять были сумерки. Колокола звонили, небо гасло, тѣни близкой ночи ложились на снѣгу. Вспомнилъ ея глаза, губы — дѣтскія розовыя губы съ приподнятыми уголками вспомнились такъ ясно.

Вышелъ на улицу. Опять вѣрилъ. Хотѣлось итти съ закрытыми глазами, чтобы гдѣ-то на поворотѣ неизвѣстнаго переулка, около незнакомаго дома, открыть ихъ и сказать: ты!

II.

— Не узнаете меня? Мы встрѣчаемся цѣлую недѣлю каждый вечеръ, и вы ни разу не поклонились мнѣ.

Вѣжливо извиняюсь, жму маленькую

руку въ бѣлой перчаткѣ. Остановились
подъ фонаремъ. Тѣнь падаетъ ей на глаза.
Какіе они? Черные, синіе, сѣрые — не
знаю.

Вообще я ничего не знаю о ней. Кажется, ее зовутъ Ольгой. Гдѣ-то встрѣчались, и я никогда не сказалъ съ ней ни слова. Тѣнь закрываетъ ея глаза, освѣщены только губы и подбородокъ.

Грустно изогнутыя розовыя губы съ тонкими уголками, — я никогда не замѣчалъ ихъ.

Смотрю на нихъ, улыбаясь, и говорю:

— Вы знаете, я три года не цѣловалъ ни одной женщины.

— Правда?—спрашиваетъ она серьезно.

— Правда,—отвѣчаю я грустно.

Идемъ рядомъ.

— Весной хочется умереть, — говоритъ она. Самое жестокое и горькое вспоминается весной — вы замѣчали?

Молчу.

— Какая тоска! — говорит она, стискивая зубы. — Нужно жить, чтобы отъ каждаго мига гдѣ-то расцвѣтали цвѣты. А вотъ мы съ вами каждый вечеръ выходимъ на улицу и ждемъ чего-то. Можетъ быть, насъ много, но мы рѣдко узнаемъ другъ друга. Ходимъ и ждемъ. Чего ждемъ?

Останавливаемся у какаго-то подъѣзда.

— Зайдите, — говорит она, отворяя дверь.

Поднимаемся по лѣстницѣ. Электричество ярко, — не смотрю ей въ лицо.

Въ незнакомой комнатѣ темно, только изъ оконъ печальный пепельный свѣтъ. Садимся рядомъ, близко. Беру ся руки. Онѣ нисколько не напоминаютъ тѣхъ, о которыхъ я тоскую три года, но отъ теплыхъ пальцевъ струится такая нѣжность, такая нѣжность...

— Нужна ласка, ласка, — говоритъ она, прижимаясь къ моему лицу.

Не твоя ко мнѣ, не моя къ тебѣ. Не знаю чья — все равно. Ласка и нѣжность. какъ даръ нашей невѣдомой судьбы.

Если она не будетъ приходить, насъ злобно стиснутъ стѣны, задушатъ улицы, насъ убьетъ одиночество, и нашего крика не услышитъ никто...

Говоритъ, а тонкіе волосы, лаская мой лобъ, договариваютъ что-то печальное и важное, чего не смѣютъ сказать слова.

Пепельный свѣтъ тонкимъ дымомъ окуталъ близко склоненное лицо. Что-то пронзительно - грустное, какъ надорванная струна, звенить въ незнакомой комнатѣ.

Нѣмо, беззвучно, томительно длинными поцѣлуями мы рассказываемъ другъ другу трагедіи нашихъ одинокихъ дней.

Мягкіе волосы незнакомой женщины;

прикасаясь къ лицу, поютъ печальныя мелодіи.

— Должно быть, поздно.

Я понялъ. Благодарю, — говорю я, прощаясь. Отъ ея пальцевъ струится такая нѣжность.

Электрическая лампочка на лѣстницѣ вспыхиваетъ въ послѣдній разъ. Улицы тихи и бѣлы. Зимняя сѣверная ночь сурово смотритъ въ глаза.

Я И СОБАКА.

Ждемъ ее — я и собака.

Дрогнемъ въ ноябрьскомъ туманѣ — двѣ жалкія черныя тѣни. Я на скамейкѣ, Локи у ногъ. Мое пальто отсырѣло и тяжело давить плечи. Локи грязенъ, какъ безпріютный уличный песъ.

Ждемъ ее четвертый вечеръ, четвертую ночь.

Въ поздній часъ въ концѣ бульвара меркнетъ желтый четырехугольникъ кафэ. Кто-то маленькій и юркій быстро гаситъ длинную цѣпь фонарей, и надъ нами опускается сѣрый безрадостный мракъ.

Тогда мы уходимъ до завтра. По тротуару тянутся двѣ медленныя тѣни, — моя и собачья, съ смѣшными вытянутыми лапами, съ уродливо-мохнатой головой.

Дома насъ не ожидаетъ никто. На столѣ четвертую ночь стоятъ нетронутые приборы и полная бутылка вина. А на постели мертвыми углами бѣлѣютъ несмятыя подушки.

Дни исчезаютъ. Я не знаю, куда дѣваются дни. Можетъ быть, сплю я днями, и мнѣ видятся странно-блаженные сны. А какъ стемнѣетъ, мы опять на бульварѣ.

Я жду, потому что она сказала «приду».

Если бы Локи умѣлъ говорить, въ эти смертельно-холодныя безжалостныя ночи мы вели бы длинныя, печальныя бесѣды. Одно и то же каждый разъ.

Мы говорили бы о страданьѣ, о темномъ терпѣливомъ человѣческомъ горѣ, вспоминали бы прошлую радость — ея синіе глаза,

ея руки... Жестокія и ѣжныя руки въ колючихъ сверкающихъ кольцахъ, которыя ласкали мои волосы и его мягкія кудрявыя уши.

Быть можетъ, мы плакали бы вмѣстѣ горестно, тихо и сладко. Но Локи молчитъ, и въ тоскливо-красивыхъ собачьихъ глазахъ лишь мертво дробятся желтые веселые огни.

... Она пришла, когда я пересталъ уже ждать.

Такъ же ярокъ былъ четырехугольникъ кафэ, такъ же блѣденъ и холодень туманъ.

Локи бросился къ ея ногамъ. Я взялъ руку и укололся о кольца.

Стоимъ подъ фонаремъ. Вижу лицо ея. Страшное лицо женщины, которая перестала любить.

— Я ѣду на одинъ вечеръ, — говоритъ она небрежно и смотритъ дерзко, прищуривъ глаза.

— Отчего ты молчишь, точно не радуешься нашей встрѣчѣ? Убери собаку, — просить она, съ отвращеніемъ подбирая шелестящія юбки. — Не понимаю, зачѣмъ ты всюду таскаешь его за собой!

Мнѣ хочется схватить и сломать ея руки. Вотъ такъ, — сжать выше локтя и услышать хрустъ костей. Хочется дико закричать, сцѣпиться въ одинъ безобразный клубокъ и валяться по грязи вмѣстѣ съ ней, красивой, нарядной, въ шумящихъ шелковыхъ юбкахъ.

Хочу боли, ужаса и уродства, но складываю губы въ спокойную, привѣтливую улыбку. Закуриваю папиросу и отвѣчаю: «Правда, Локи мнѣ самому надоѣлъ. Я подарилъ его одному пріятелю, и онъ возьметъ его на-дняхъ».

Но она уже забыла о собакѣ и смотритъ въ лицо мнѣ острымъ подозрительнымъ взглядомъ, какъ пойманный хищный звѣ-

рокъ. Можетъ быть, она думаетъ, что я хочу ее убить. Но видъ у меня безопасный. Я не прячу рукъ и вообще не похожъ на убійцу.

Все обошлось такъ просто. Она успокаивается и небрежно бросаетъ:

— Ну, прощай! Какъ-нибудь зайду къ тебѣ. Ты бываешь дома по вечерамъ?

Я наклоняю голову церемоннымъ поклономъ:

— Конечно, и очень часто. Я началъ одну большую работу и къ тому же, кажется, немного простудился. Ты застанешь меня въ любой часъ.

Чуть касаюсь губами руки. Веду до экипажа. Заботливо укрываю пледомъ платье, снимаю шляпу и смотрю, какъ, быстро вращаясь, исчезаютъ въ туманѣ желтыя спицы колесъ.

Мы стоимъ долго. Можетъ быть, слиш-

комъ долго для прощальнаго привѣтствія на улицѣ.

Волосы у меня совсѣмъ мокрые. Я забылъ надѣть шляпу и никакъ не могу понять, зачѣмъ она въ рукахъ, почему такъ странно смяты сырыя поля.

Домой мы не идемъ, а ѣдемъ. У меня явилась упорная мысль — въ эту ночь хочу быть тамъ, гдѣ она.

Одѣваюсь долго и тщательно. Черный сюртукъ сидитъ на мнѣ, какъ хорошо прилаженный футляръ.

Черные сюртуки такъ сидятъ на покойникахъ, — думаю я, оглядывая себя въ зеркало. — А надѣваютъ мертвымъ бѣлые галстуки? Совсѣмъ не знаю, принято ли надѣвать имъ бѣлые галстуки?..

— Прощай, Локи, — говорю я и беру его тонкую, мокрую лапку. У него влажные печальные глаза.

Я приѣхалъ поздно. Уже кончался ихъ

веселый праздниѳъ. По бѣлой лѣстницѣ спускались нарядныя женщины, но изъ зала еще неслась музыка.

Прислонился къ высокой колоннѣ. Въ зеркалѣ напротивъ моя прямая траурная тѣнь.

Глаза со странной вѣрностью отыскали ее.

Кто-то высокій и стройный увѣреннымъ движеніемъ обнималъ ея талію, и всякій разъ, какъ на поворотѣ совсѣмъ у моихъ ногъ легкимъ облаѳомъ взлетало ея платье, сердце дѣлало острый безумный толчокъ, и, чтобы не упасть, я плотнѣй прислонялся къ колоннѣ.

Послѣдніе медленные звуки нѣжно вздохнули на эстрадѣ.

Она совсѣмъ рядомъ. Вижу лицо ея — блѣдное, съ слишкомъ алыми жадными губами, съ знакомымъ выраженіемъ въ опьяненныхъ счастьемъ глазахъ.

Она увидела меня.

— Ты здѣсь? — говоритъ она, стараясь улыбнуться. — Зрачки ея сузились, губы поблѣднѣли.

— Но вѣдь у тебя большая работа и ты боленъ?..

— Все это правда, — отвѣчаю я просто, — но мнѣ вдругъ захотѣлось увидѣть тебя еще!..

Въ ея глазахъ вспыхиваетъ что-то низкое, трусливое.

Навѣрно, она думаетъ, что я хочу ее убить. Можетъ быть, ей хочется позвать на помощь того, новаго. Мои руки въ карманахъ. Что я тамъ прячу?

Я медлю, улыбаюсь, мнѣ нравится эта игра.

Наконецъ, вынимаю руки и поправляю волосы. Ничего нѣтъ. Ея губы складываются въ презрительную усмѣшку.

— Уже поздно, — говоритъ она и ищетъ кого-то глазами въ рѣдѣющей толпѣ.

Тотъ высокій и красивый, что будетъ ласкать ее до утра, накидываетъ ей на плечи пушистый мѣхъ.

— Уже поздно, — повторяю я за ней и въ послѣдній разъ укалываюсь о кольца. По лѣстницѣ за ними я иду медленно и важно.

Но почему я одинъ въ опустѣлой прихожей? Кто-то съ длинными торчащими усами держитъ мое пальто. Долго не могу попасть въ рукава. Съ трудомъ застегиваю пуговицы и выхожу.

Туманъ совсѣмъ закуталъ улицы и дома: Отъ тусклыхъ отсвѣтовъ фонарей онъ кажется желтымъ и густымъ, точно липнетъ къ тѣлу и лицу.

— Въ такую погоду ужасно легко простудиться, — говоритъ кто-то около меня.

— Въ такую погоду ужасно легко про-

студиться, — повторяю я и смѣюсь. — У меня совсѣмъ мокрая голова. Я опять забылъ надѣть шляпу.

Я иду. Мнѣ кажется, что тянется все одна улица. Все будетъ длиться ночь, никогда не увижу ни солнца ни неба. Мнѣ холодно. Мнѣ такъ холодно, что пальцы мои перестали двигаться и стали какъ деревянные. Я такъ одинокъ, что, если я умру сейчасъ, то завтра никто не вспомнить моего имени.

Вспоминаю о Локи и ускоряю шаги.

Вотъ мы опять вдвоемъ. Онъ тихо и радостно визжитъ. Бѣлый фонарикъ ярко вспыхиваетъ надъ столомъ, гдѣ все такъ же чинно стоятъ нетронутыя тарелки. Въ углу холодная несмятая постель.

— Локи, — говорю я серьезно, — мы будемъ ждать ее и сегодня, и завтра, и всегда. Въ свѣтлое безумье ожданья превращу я всю мою жизнь. Можетъ быть,

она вернется, можетъ быть, туда, гдѣ дико
ликуетъ пьяная страсть, холоднымъ, нѣж-
нымъ облакомъ прикинется къ изголовью
моя покорная любовь, и она вспомнитъ
меня и тебя, и эту комнату, и розовые
блески камина на бѣлой постели... Мо-
жетъ быть, Локи?

Собачьи глаза въ темномъ раздумьи смот-
рятъ на огонь.

БРОДЯГА.

Мое счастье было кратко. Я принялъ его, какъ чудесный неожиданный даръ, и оно покинуло меня, еще юное, живое, навсегда озаривъ мои дни.

Съ той женщиной, о которой я говорю, мы встрѣчались въ продолженіе двухъ лѣтъ.

Иногда я видѣлъ ея мужа—всегда мрачнаго молчаливаго человѣка. Иногда слышалъ какіе-то странные рассказы о ихъ жизни, но, встрѣчаясь, не замѣчалъ ея глазъ, быстро забывалъ лицо и никогда не предчувствовалъ нашей любви.

Началось это на какомъ-то ужинѣ въ ресторанѣ, куда мы оба попали случайно.

За столомъ оказались рядомъ. Почему? Я никого не просилъ объ этомъ.

Долго не замѣчали другъ друга.

Потомъ говорили о чемъ-то пустомъ, обоимъ ненужномъ, и она скучала.

Вокругъ было шумно, но не весело. Пѣли цыгане. Ночь проходила незначительно, плоско, подобная многимъ, о которыхъ такъ легко забываешь на утро.

Но я замѣчалъ, — особая острая грусть въ какой-то часъ всегда опускается надъ рестораномъ.

Можетъ быть, это только утомленіе, ядовитый звонъ отравленной крови, которая хочетъ поды утро покоя, а, можетъ быть, что-то иное, всегда сторожащее за сознаниемъ, говоритъ людямъ: вы хотѣли забыть... но я здѣсь. Я всегда съ вами, я все ви-

жу!.. Не знаю, что это, — но этотъ часъ отмѣчаю всегда.

Тогда усталая пѣвица съ слишкомъ подведенными глазами непремѣнно поетъ какой-нибудь надрывающій избитый романсъ.

Тогда женщины со странной дрожью въ пальцахъ отмѣчаютъ на ваше пожатье, и въ глазахъ ихъ вспыхиваетъ печально-нѣжный растроганный блескъ.

Онѣ шепчутъ вамъ ночныя лживыя слова, надъ которыми вы безжалостно смѣетесь наутро.

Но здѣсь, подъ безвкусно яркой люстрой, на мягкихъ захватанныхъ диванахъ готовы дать самое безумное обѣщанье.

У той, что сидѣла рядомъ, было неподвижно спокойное лицо. Въ первый разъ я замѣтилъ ея глаза. Такъ смотреть маньяки, — упорно, долго, въ одну точку.

— О чемъ вы думаете? спросилъ я съ любопытствомъ.

Она взглянула и улыбнулась,—грустно, красиво.

— Я думаю о любви, — отвѣтила она просто. Всегда о любви. Смотрю въ глаза, угадываю темныя тайны душъ, слушаю мелодіи голосовъ и все спрашиваю, — не здѣсь ли?

— Кто?—спросилъ я, не понимая.

— Любовь.

Тогда я засмѣялся и сказалъ: — посмотрите такъ и на меня. Можетъ быть, здѣсь?

Она посмотрѣла. Внимательно, вдумчиво, строго, точно не слыша шутки, и отвѣтила:

— Можетъ быть. Трудно угадать, кого уже отмѣтила любовь.

Изъ-за стола вставали. Электричество погасло. Принесли свѣчи. Красныя стѣны кабинета потускнѣли. На столѣ апельсиныя корки и недопитые стаканы. У жен-

щинъ смятыя прически, подъ глазами синія тѣни.

Поздно. Но отчего мнѣ такъ не хочется прощаться?

— Мы вмѣстѣ? — спросилъ я несмѣло.

— Да.

И вотъ на разсвѣтѣ по синимъ освѣженнымъ аллеямъ мы ѣхали вмѣстѣ. Она мнѣ казалась прекрасной. Я держалъ ея руки и восторженно смотрѣлъ въ лицо.

— Можетъ быть, здѣсь?.. спрашивалъ, сжимая ея пальцы.

— Можетъ быть, — отвѣчала она просто. И лицо у нея было чуть-чуть грустное, чистое и покорное, какъ у монахини.

Я проводилъ ее до подъѣзда. Звонили къ заутрени. Улицы были пусты и бѣлы. Холодная утренняя грусть сжимала сердце.

— Придете? — спросилъ я робко.

И голосомъ яснымъ, торжественно про-

стымъ, отъ котораго разсѣялось послѣднее впечатлѣніе случайности этой ночи, она сказала — «приду».

Такъ это началось.

Она пришла вечеромъ, на другой день. Все было такъ просто. Свѣтила луна. Перекладины рамъ черными крестами лежали на полу. Все та же моя комната, каждый уголокъ который я знаю наизусть. Но въ нее уже вошло что-то новое, тревожное. Тайна чужой неизвѣстной души.

— Кто вы? Откуда вы? Почему я не знаю о васъ ничего?

И она отвѣтила;

— Не нужно спрашивать. Все внѣшнее обычно до тоски, и оно, какъ всегда, ложь. А правду я уже сказала. Я бродяга, скитаюсь по душамъ и все жду встрѣчи съ той любовью, что вижу только во снѣ.

— Какая же она, эта любовь? — спро-

силъ я, и у меня дрожали губы. Она наклонилась. Близко. Я видѣлъ странные, сосредоточенно блестящіе глаза. Такого выраженія я не видалъ уже послѣ ни у кого, никогда, всю жизнь.

— Моя любовь то, что называютъ «безуміемъ». Эта бездонная радость и вѣчное страданіе. Когда она придетъ, какъ огненный вихрь, она смететъ все то, что называется «жизнью». Въ ней утонетъ все маленькое, расчетливое, трусливое, чѣмъ губимъ мы дни. Тогда самый ничтожный станетъ богомъ и пойметъ навсегда великое незнакомое слово «безпредѣльность».

Я всталъ передъ ней на колѣни и отвѣтилъ.

— Та любовь, о которой ты говоришь— чудо, и я чувствую,—оно уже коснулось моей души. Вотъ я передъ тобой. Возьми меня, веди, учи.

Ея глаза широко раскрылись и загорѣ-

лись, какъ огромныя, черныя камни. Губы изогнулись въ истомленно жадной улыбкѣ, точно хотѣла она выпить, какъ острое душистое вино, всю мою душу, весь трепеть первой мучительной страсти.

Такая была наша первая ночь.

Я не зналъ ея жизни.

На разсвѣтѣ провожалъ до подъѣзда. Грубо хлопала дверь. Замирали шаги, и я оставался одинъ. Помню, еще по-долгу стоялъ подъ фонаремъ. Изумленный, выхваченный изъ обычнаго строя чувствъ. Точно хотѣлось проснуться, но не могъ.

Она приходила. Я запиралъ двери и тушилъ огни. Исчезала комната. Становился далекимъ и чуждымъ весь міръ.

— Тотъ ли я, кого ты ждала? Та ли это любовь? — спрашивалъ я съ тоской. Видишь, я весь твой. Безъ тебя нѣтъ ни жизни, ни чувствъ, ни желаній.

Съ бѣлыхъ подушекъ смотрѣли непо-

движные, жадные глаза, и въ темной комнатѣ, далекой міру, звучали безумныя, странныя рѣчи: Такъ, такъ нужно. Говори, не умолкай. Ты чувствуешь, какъ въ твою душу вонзается что-то острое, рѣжущее, какъ ножъ? Ты хочешь умереть? Вотъ здѣсь, сейчасъ, рядомъ со мной? И смѣялась тихо и жутко:— о, милый, милый!..

Такъ прошло много дней. Въ нихъ утонуло прошлое и закрылось туманомъ будущее. Можетъ быть, это длилось бы безконечно. Можетъ быть...

Но я не сумѣла... Захотѣлось чего-то прочнаго, на долгіе дни. Душа не выдержала остро-блаженныхъ мукъ, и я сказала ей однажды:

— Останься со мной навсегда, будь моей женой.

Какъ въ первую ночь, мы сидѣли на

диванѣ, не расплетая рукъ, а перекладины рамъ крестами лежали на свѣтломъ полу.

Я сказалъ, и стало страшно тихо. И мнѣ показалось, что кто-то прошелъ по коридору и всталъ у дверей.

И вдругъ разорвалась пелена жуткой тишины. Я услышалъ множество звуковъ, которыхъ при ней не замѣчалъ никогда.

За окномъ скрипѣли полозья саней. Изъ умывальника съ ритмическимъ стукомъ падали рѣдкія капли. За книжнымъ шкафомъ, шурша обоями, скреблась мышь.

Она освободила руки и отодвинулась. Въ свѣтлой полосѣ фонаря я увидѣлъ ея лицо, и оно было такое, какъ въ первый вечеръ, — чуть-чуть грустное, строгое, покорное, какъ у монахини.

— Теперь я уйду, — сказала она спокойно. Этого не можетъ случиться никогда. Мы оба узнали многое. Предстоитъ идти

еще дальше, еще выше. Ты поймешь это послѣ, безъ меня.

— Будь моей женой, — повторилъ я ту-по, съ отчаяніемъ, не слушая ея словъ. Развѣ возможно намъ разстаться? Твоя любовь безпощадна, какъ палачъ.

Она прикоснулась къ моимъ волосамъ, и въ той же полосѣ фонаря я увидѣлъ ея улыбку. Грустную, свѣтлую, и глаза полные слезъ.

— Развѣ я жена? — сказала она. — Ну посмотри, — развѣ я жена! Какъ только ты произнесъ это слово, я опять увидала себя на длинной пустынной дорогѣ. Смотри. — Ея глаза расширились. — Смотри вдаль.

— Вотъ мы больше не встрѣчаемся въ этой комнатѣ, а живемъ гдѣ-то вмѣстѣ, и я твоя жена.

У насъ нѣсколько большихъ комнатъ и общая спальня. Ночью, привыкшіе другъ

къ другу, мы раздѣваемся равнодушно и безстыдно.

Медленно, день за днемъ, словно неизлѣчимая болѣзнь, жизнь входитъ въ тѣ неотвратимыя сцѣпленья, что люди называютъ «обычными нормами». Ты опять много работаешь. У тебя въ кабинетѣ виситъ мой портретъ. На него ты смотришь чаще, чѣмъ на меня, потому что у тебя такъ много, много работы.

У насъ родится первый ребенокъ. И жизнь мѣняется просто, безъ боли. Мы сказали всѣ слова о любви. Спѣли ея единственную пѣснь и намъ говорятъ: «вотъ теперь начинается настоящее».

Большіе печальные глаза прошлаго смотрятъ откуда-то издалека съ горестнымъ укоромъ. Отъ этого взгляда снится иногда эта комната, голубыя окна и черные кресты на полу. Но рѣдко. Послѣ спокойныхъ ласкъ мы спимъ крѣпко.

Проходить еще годъ. Можетъ быть, у насъ второй ребенокъ. Я полнѣю. Говорятъ, что это красиво, и за мной ухаживаютъ твои пріятели. У меня есть любовникъ.

Ты очень любишь дѣтей, но вечеромъ избѣгаешь быть дома. Ночью я встрѣчаюсь съ твоимъ виноватымъ взглядомъ и дѣлаю видъ, что сплю.

Иногда еще мы ласкаемъ другъ друга привычно знакомыми ласками, но никогда уже не повторяемъ словъ, что звучали въ этой комнатѣ.

Проходить еще годъ, а, можетъ быть, пять, — уже не все ли равно! Что сдѣлали мы съ любовью? — спрошу я тебя однажды и увижу въ твоихъ глазахъ тупую покорную тоску.

— Тебѣ больно? Ты плачешь?

Она коснулась моихъ вѣкъ грустно-волнующимъ прикосновеніемъ. Такъ нужно

Такъ суждено всѣмъ, полюбившимъ Любовь...

Я всталъ на колѣни. Помню ея сѣрое мягкое платье и свѣжій холодъ спокойныхъ рукъ.

И, какъ ученикъ, узнавшій большую сокровенную тайну, благоговѣнно и восторженно поцѣловалъ ея ноги въ маленькихъ черныхъ туфляхъ.

На другой день я уѣхалъ далеко. Мы разстались навсегда.

Но теперь она не одна идетъ своей вѣчной дорогой. Мы далеки, но вмѣстѣ. Мы вдвоемъ чутко слушаемъ вѣчно призывающій голосъ Любви.

И когда въ поздній часъ одинокаго томленія чьи-то большіе тоскующіе глаза съ тихой мукой заглядываютъ мнѣ въ лицо, я покорно приближаюсь къ Любви и говорю, какъ она...

— Можетъ быть, здѣсь...

СЪВЕРНАЯ СКАЗКА.

Мы ничего не знаемъ о любви. Когда она приходитъ, Богъ знаетъ откуда, мы видимъ лишь огненный мечъ, взнесенный надъ нашей жизнью, и съ ужасомъ укрываемъ лицо. Боимся разстаться съ маленькими радостями дней, не вѣримъ стихіи, не умѣемъ во время распахнуть ей всѣ двери своего сердца.

Забываемъ, что только одной страницѣ книги нашей темной судьбы суждено вспыхнуть яркимъ сжигающимъ блескомъ, и не читаемъ ея до конца. И за это лю-

божь мститъ намъ, оборачивается грознымъ оскорбленнымъ лицомъ и пророчить вторую встрѣчу, отъ которой уже не укроетъ ничто.

Она приходила и ко мнѣ.

Въ бѣлыя ночи короткаго сѣвернаго лѣта встрѣтила меня на берегахъ блѣднаго озера и запѣла свою единственную пѣснь.

Отчего она покинула насъ? Отчего мы не сумѣли... Зачѣмъ укрывали лица и измѣнили ей для жизни?

Спросите у сосенъ, у волнъ, спросите у загадочнаго бога жизни, который безстрастно смотритъ съ холоднаго неба...

Прошло три года. Три вѣчности между мной и тѣмъ лѣтомъ. Со мной другая женщина. И кто-то, все забывшій для новой радости, говорилъ, что я ее люблю. Теперь я не вспомню ея лица, а она прокликаетъ мое имя. Но развѣ виноватъ я?

Развѣ зналъ я, что любовь приходитъ только разъ.

Все случилось такъ просто. Былъ июнь. Въ одну ночь мнѣ приснилось сѣверное озеро и розовая полоса двухъ обнявшихся зорь.

Пахло чѣмъ-то сладкимъ, какъ медъ. У меня кружилась голова, и я плакалъ. А днемъ ходилъ по улицамъ въ странной тоскѣ. Слышались свистки парохода и чей-то громкій настойчивый зовъ. Зачѣмъ она не удержала меня? Отчего не чувствовала, какъ тѣнь близкаго горя уже опускалась надъ ея жизнью?

Два дня и двѣ ночи въ вагонѣ. Голубыми глазами озеръ улыбается сѣверъ. Граниты и сосны, граниты и сосны. Ихъ встрѣчаю какъ старыхъ друзей. Въ кошелькѣ марки.

Уже маленькія монетки звенѣли о чемъ-то непоправимомъ, но мы никогда не слу-

шаемъ предостерегающихъ голосовъ вещей.

— Я устала,— жалуется она, улыбаясь.— Куда же мы ѣдемъ?

Я притворно долго роюсь въ путеводителѣ, и она не знаетъ, что мы ѣдемъ туда.

Маленькія финскія лошадки, смуглый голубоглазый кучеръ на козлахъ, а по бокамъ дороги сѣдые камни да чахлыя сосны.

Боже мой, все, какъ тогда! Вотъ и сѣрый домикъ на берегу озера. Терраса, увитая хмелемъ. Полотняныя шторы на окнахъ.

У меня дѣловое, серьезное лицо. Которую комнату? Ну, конечно, вотъ эту. Не правда ли,— она нравится намъ обоимъ.

А вѣдь это та самая комната. Я никогда не забывалъ ее. Вотъ шкафъ, гдѣ висѣли наши вещи. Можетъ быть, въ ней тѣ же постели...

Когда насъ позовутъ обѣдать, на крытой верандѣ, заплетенной дикимъ виноградомъ, я выберу тотъ же столикъ. Разсѣянно оглянусь кругомъ и небрежно скажу: «вотъ здѣсь, у окна».

На веранду ведутъ шесть ступеней. Такъ. Ихъ шесть. Развѣ могъ я забыть?

Фрау Шварцъ суетится у буфета. У ней та же скользящая походка и сѣрое платье. Точно не снимала она его три года. Я сажусь на свое мѣсто. Я всегда здѣсь сиделся,—спиной ко входу. Она улыбается. Ее радуетъ все,—лакеи, которые насъ не понимаютъ, тонкія финскія лепешки изъ сѣрой муки, бутылка лимонада съ этикетомъ на непонятномъ языкѣ. Ея лицо сіяетъ.

— Мы вдвоемъ,—говоритъ она.—Развѣ это не сказка? Все далеко, и мы вдвоемъ.

Хромой генералъ и полная старая дама въ красной шляпѣ смотрятъ на насъ съ

задумчивой старческой лаской. Можетъ быть, они думаютъ, что мы совершаемъ свадебное путешествіе.

Обѣдъ кончился. Выходимъ въ садъ. Здѣсь только зацвѣтаетъ сирень. Круглые кусты шиповника словно въ снѣгу. Шиповникъ цвѣтетъ,— говоритъ она нѣжно.— Здѣсь мы увидимъ вторую весну.

Мы идемъ, а изъ цвѣтниковъ, изъ травы, съ песчаныхъ дорожекъ встаютъ тихія тѣни и смотрятъ на меня большими темными глазами. Кому расскажу я о прошломъ?..

Вотъ здѣсь, у калитки, та, другая, которую хотѣлъ я забыть, однажды посмотрѣла на меня. Ахъ, только посмотрѣла и опустила рѣсницы. Въ травѣ гудѣли шмели, за соснами сверкало озеро, синее, синее въ это утро.

Въ этотъ краткій, ничего незначащій мигъ я понялъ слово *Неизбѣжность* и тихо шепнулъ «навсегда». Помню, мы

долго стояли съ суровыми блѣдными лицами, въ глазахъ у насъ были слезы, а на пристани кричалъ пароходъ.

Здѣсь онъ всегда останавливался по утрамъ, и, бѣлый, веселый, кричалъ пронзительно и громко, какъ молодой сильный звѣрь. Однажды мы ѣздили на немъ. Что это было за утро! У насъ горѣли лица и стучало въ виски, а вода дышала свѣжей сѣверной прохладой. Озеро сверкало какъ сафиръ, пароходъ задыхался отъ радости. На палубѣ былъ праздникъ. Всѣ улыбались. Даже синіе глаза суроваго капитана смотрѣли мечтательно и нѣжно. Онъ зналъ, что это утро счастья не повторится.

По этой дорожкѣ мы всегда ходили послѣ обѣда.

Желтобархатная пыль потоками струилась сквозь сосны, а озеро одѣвалось въ голубые и желтые шелка. А на этомъ

камнѣ, на широкомъ уступѣ, заросшемъ красноватымъ мхомъ...

Но со мною другая. Ахъ, тише... Сядь близко, закрой глаза и молчи. Слышишь, звенять бубенчики,—это въ сосѣдней деревнѣ пасется стадо. Слышишь тихіе всплески,—это рыбаки выѣзжаютъ на ловлю. Слушай музыку вечера. Можетъ быть, само солнце запоетъ сейчасъ старинную сѣверную пѣснь, цѣлуя воду алыми губами.

У нея розовѣетъ лицо. Волосы на вискахъ золотятся. Это не озеро,—говорить она,—это наше голубое, безбрежное счастье.

Медленно цѣлуетъ меня въ губы, и въ первый разъ, въ первый разъ тоска кладетъ мнѣ на грудь свои холодныя тяжелыя руки.

Первая бѣлая ночь.

Мы устали, но не хочется спать. Сидимъ

на берегу, на томъ же камнѣ. Бѣлымъ се-ребромъ сіяетъ вода. Ночь какъ день, только смягчились всѣ краски, и въ бѣлой прозрачности тонутъ сосны и берегъ, и даль. А тамъ далеко, за краемъ остывшей воды, сплелись розовыя руки двухъ безсонныхъ зорь.

Боже мой, мнѣ нужно здѣсь быть одному.

Захолодѣвшей щекой она прижимается къ моему лицу. У ней бѣлокурые мягкіе волосы, — я не хочу ихъ!

— Ты любишь? — спрашиваетъ она тихо. — Я люблю тебя, — отвѣчаю я покорно.

Та, другая, имя которой Неизбѣжность, встаетъ изъ темныхъ безднъ души и смотритъ суровыми непрощающими глазами. Я люблю лишь тебя, — говорю я ей громко. — Богъ и небо, и бѣлая сѣверная ночь знаютъ, какъ я люблю тебя. Видишь, я плачу отъ любви...

Мнѣ холодно, пальцы онѣмѣли, точно въ морозъ. Хочется уйти.

Она уходитъ неохотно — какъ можно спать въ эту счастливую ночь?

Въ комнатѣ свѣтло. Гдѣ-то нѣжно звенятъ бубенчики, — это коровы щиплютъ траву, еще холодную и влажную отъ росы. Ложимся рядомъ. Я вижу ея волосы и широко раскрытые сѣрые глаза. Завѣсь окно, — прошу я. — Вотъ такъ.

Мнѣ хочется страшнаго сладкаго сна. Глаза въ темнотѣ у ней черные, и я совсѣмъ не вижу лица.

Я люблю тебя, и Богъ и небо, и сѣверная ночь видятъ, какъ я люблю тебя. Но не цѣлуй моихъ рукъ и не смѣйся звенящимъ успокоеннымъ смѣхомъ. Любовь, это — страшная вѣчная загадка. Отъ нея всегда умираетъ смѣхъ, и она умираетъ отъ смѣха.

Утро. На верандѣ хромой генералъ пьетъ

первую чашку кофе и читаетъ русскую газету.

Высокая женщина въ розовомъ,— ея не было вчера,— прищутивъ глаза, улыбается блѣдному гимназисту. Фрау Шварцъ хлопочетъ у столиковъ, позвякивая ключами; на пристани пронзительно и грустно стонетъ пароходъ. А надъ верандой, и надъ садомъ, и надъ озеромъ — блѣдно-голубое, словно августовское небо. Осеннее небо надъ расцвѣтающей сиренью.

На ней бѣлое платье. Золотые волосики на вискахъ еще влажны отъ купанья.

Только первое утро, но какъ я усталъ. Точно прожилъ здѣсь долгіе мѣсяцы одинокихъ страданій.

Въ ея сѣрыхъ глазахъ томный, матовый блескъ. Такъ смотрятъ женщины, которыхъ много ласкали.

Она смѣется и по-дѣтски лепечетъ:

— Солнце, солнце! Сирень совсѣмъ рас-

цвѣла! Посмотри, какое сегодня небо, а мы еще не были въ паркѣ.

Да, мнѣ нужно и въ паркѣ.

По прямой аллеѣ и направо. Такъ мы ходили когда-то.

Любимыя сосны... Онѣ не забыли меня, и высокія верхушки шепчуть о чемъ-то важномъ, простомъ и печальномъ. Розовые колокольчики на тонкихъ стебляхъ... Горькой свѣжестью миндаля пахнутъ длинныя атласныя чашечки. Мы дѣлали изъ нихъ букеты, а ночью бросали на подушки. Теперь я не сорву ни одного.

Женщина садится рядомъ. Долго смотритъ на меня и произносить первыя роковыя слова:

— О чемъ ты думаешь? — спрашиваетъ она подозрительно.— Со вчерашняго вечера ты не сказалъ мнѣ ни слова. Развѣ для печали пріѣхали мы сюда?..

Первое испытаніе. Переносу его твердо.

— Я просто усталъ,—отвѣчаю я, виновато улыбаясь.— Онѣмѣлъ отъ тишины. Лягъ на мохъ, смотри въ небо — оно такое нѣжное только на сѣверѣ. Запомни его, люби его.

Мы остаемся тутъ долго. Холодныя руки тоски сжимають все нещаднѣе. Хочется зарыться головой въ мохъ и громко протяжно стонать. Пусть одни камни и сосны слушаютъ меня. Зачѣмъ же здѣсь эта женщина? Кто сказалъ, что я люблю ее? Кто посмѣлъ такъ преступно солгать?

День длинень. Завтракъ, обѣдъ, вечерній чай.

Фрау Шварцъ кажется сѣдымъ призракомъ. Я боюсь съ ней встрѣчаться глазами.

Она, навѣрно, вспомнила меня. Вдругъ подойдетъ и спроситъ: а гдѣ же та молодая дама, съ которой вы пріѣзжали три года назадъ? Можетъ быть, она больна или умерла?

Пріѣхали новые гости,— толстый офицеръ съ черными усами, мужъ розовой женщины, которая улыбалась гимназисту, и высокій англичанинъ, худой какъ скелеть, въ бѣломъ фланелевомъ костюмѣ. Веранда заперта. По дорожкѣ медленно гуляетъ назадъ и впередъ хромой генераль. Это его прогулка передъ сномъ.

Вторая бѣлая ночь.

Я долженъ остаться одинъ! Я сойду съ ума, если не останусь одинъ. Мнѣ нужно говорить. Можетъ быть, я буду пѣть и въ размѣрныя строфы, какъ въ строгую траурную раму, вложу мою прекрасную печаль.

Почемъ я знаю, что случится со мной въ эту одинокую ночь. Можетъ быть, на этомъ камнѣ я буду сидѣть съ той, которая любила когда-то, и она мнѣ скажетъ вновь всѣ забытыя вѣчныя слова. А озеро, сосны и небо запоютъ намъ весеннюю пѣсню обновленнаго счастья.

Кто-то ехидно подмигнулъ изъ кустовъ. Что жъ, будешь ты лгать и сегодня, призывая въ свидѣтели Бога? Я выпрямился. Упругая стальная пружина развернулась въ груди.

— Нѣтъ, я не буду лгать,— говорю я громко.

Она подняла на меня огромные вспугнутые глаза. Думала, я брежу. А когда я спокойно, просто, будто говоря о комъ-то постороннемъ, сказалъ ей все,— быстро надвинулось то неизбѣжное и страшное, что, какъ роковой черный плейфъ, всегда влачится за любовью.

Но не надо вспоминать. Я вернусь въ мою комнату завтра, когда она уѣдетъ. За обѣдомъ на моемъ столѣ останутся два прибора, и я буду сидѣть на своемъ мѣстѣ — спиной къ дверямъ. Ночью я открою окно, на подушки набросаю розовыхъ

колокольчиковъ и останусь наединѣ съ
Неизбѣжнымъ...

Можетъ быть, женщина плачетъ, и ея
слезы текутъ въ раскрытые чемоданы.
Какъ голодный ротъ, зѣяютъ двери высо-
каго шкафа. Комната кажется страшно
холодной, и непонятно жестока эта ночь,
похожая на день.

О, ты еще не знаешь, что въ любви
нѣтъ состраданья!

Я становлюсь на колѣни. Холодные ка-
мешки больно вдавливаются въ тѣло. Воз-
душно бѣлымъ плащомъ меня окутала ночь.

Двѣ зари цѣлуютъ остывшую воду.

— Я вновь съ тобой, — шепчу я нѣж-
но. — Я вернулся.

И Богъ, и ночь, и сѣверное небо ви-
дятъ мою покорную любовь.

ПРИЗРАКИ.

Насъ много, насъ гораздо больше, чѣмъ живыхъ, но мы — призраки, мы — тѣни самихъ себя, жалкіе обломки собственнаго прошлаго, такъ художественно имитируемъ живую жизнь, что часто не узнаемъ другъ друга въ лицо.

Мы двигаемся, ложимся спать ночью и встаемъ утромъ, чтобы дѣлать все тѣ же большія и маленькія дѣла, какъ обыкновенные люди. Но дѣйствуемъ мы лишь по инерціи, по механически усвоенной привычкѣ жить.

И говоримъ всегда только о томъ, что знали и чувствовали давно, блестяще комбинируя обветшалый матеріалъ умершей души.

Насъ можно встрѣтить вездѣ, и мы никогда не бываемъ печальны. Поэтому наше присутствіе не тяготитъ никого. О, даже наоборотъ!

Наши улыбки расцвѣтаютъ искренней лаской, наши разговоры блещутъ острымъ ироническимъ остроуміемъ.

Мы интересуемся всѣмъ, можетъ быть, даже больше, чѣмъ нужно, но это никого не наводитъ на подозрѣніе.

И то довѣріе, которымъ встрѣчаютъ насъ люди — нашъ щитъ, вѣрный и непроницаемый.

Есть у насъ одинъ маленькій недостатокъ — мы любимъ питаться кровью живыхъ человѣческихъ чувствъ.

Какихъ хитростей и уловокъ не приду-

маемъ мы, чтобы сыграть роль въ не нами задуманной драмѣ.

Тогда мы любовники, или герои, или мстители,— какъ придется. А души у насъ въ эти миги — жадныя и холодныя.

Можетъ быть, это очень дурно, но развѣ мы виноваты? Кто сдѣлалъ насъ такими?

Если развернуть черныя свитки нашихъ жизней и признаться во всемъ, какъ предъ лицомъ грознаго Бога, вы, навѣрно, укажете нашихъ убійцъ... Такъ лучше не говорить о винѣ.

Самое страшное наше проклятье -- одиночество.

Вотъ мы остаемся одни въ нашихъ комнатахъ, гдѣ незримо для простодушнаго глаза каждый предметъ говорить о давней смерти души. Если бы вы видѣли тогда наши лица!

Эти глаза изъ прозрачнаго стекла, эти

бѣлые холодные лбы, эти позы картонныхъ куколъ гдѣ-нибудь въ углу дивана.

Мы можемъ не думать часами. Живому человѣку даже не представить той мертвой бездонной пустоты, куда проваливаемся мы, какъ только исчезаетъ изъ глазъ пестрая картина чужой жизни. А въ это время, можетъ быть, мы ходимъ по комнатамъ, насвистываемъ пѣсенку, куримъ, пишемъ дѣловое письмо.

Но, я думаю, если заглянуть въ наши глаза совсѣмъ прямо, въ упоръ, черезъ веселую стеклянную пленку, вы увидите уголокъ книжнаго шкапа и узоръ на обояхъ или, если это у окна,—кусочекъ неба—голубого или сѣраго, смотря по погодѣ.

Мы не любимъ еще долгихъ мучительныхъ минутъ передъ сномъ.

Мы разучились мечтать, и намъ не на что надѣяться. Въ нашихъ постеляхъ мы настоящіе трупы. Особый родъ мертвецовъ,

въ которыхъ застыло все, кромѣ сознанія смерти.

Для насъ нѣтъ «завтра». Завтра мы такъ же пойдемъ на улицы, въ театры, въ рестораны, и за нами шуршащимъ хвостомъ протянется ежедневная, тайная ложь.

Можетъ быть, намъ удастся принять участіе въ чьей-нибудь драмѣ, и мы прекрасно сыграемъ свою роль.

А придемъ домой — и опять провалимся въ ту же мертвую топь навсегда опустошенной души.

Всего больше мы боимся смерти.

Почему?

Вотъ здѣсь-то и кроется самая темная изъ всѣхъ психологическихъ загадокъ. Въ ней же единственное оправданіе нашимъ страннымъ призрачнымъ существованіямъ.

Иногда мы испытываемъ боль. Нестерпимое, безформенное страданіе. Тогда мы

кричимъ беззвучнымъ сдавленнымъ крикомъ, и онъ гулко ухааетъ въ пустотѣ.

Въ такія минуты насъ непобѣдимо тянетъ къ живымъ. Хочется, какъ вампиру, напиться крови чужого чувства. Хочется потемнѣвшаго отъ волненія человѣческаго взгляда. Хочется страсти безумно протянутыхъ рукъ.

Тогда, закрывши маской лицъ холоднаго ужаса, мы идемъ.

Мы — призраки.

Въ такую минуту я пошелъ къ той, о которой хочу говорить.

*
* * *

Какой-то праздникъ въ большихъ бѣлыхъ залахъ. Кругомъ смѣются, курятъ, шумятъ.

Сѣрые глаза смотрятъ на меня съ робкимъ обѣщаніемъ. Приди и возьми,—го-

ворять они своимъ понятнымъ нѣжнымъ языкомъ.

И я отвѣчаю.

У васъ душа, какъ весенній цвѣтокъ. Знаете, тѣ желтые цвѣточки на тоненькихъ ножкахъ, что вырастаютъ на первыхъ проталинахъ.

Я люблю ихъ. Я люблю васъ.

Наклоняемся близко. Наши улыбки общаются счастьемъ.

А зеркало холоднымъ блескомъ гладкаго стекла повторяетъ красивую нѣжную ложь.

Вы давно уже легкой, неслышной стопой вошли въ мою жизнь,— говоритъ она.

Ваши шаги такъ нѣжны...

Я хочу вашей любви,— отвѣчаю я тихо,— и у меня павѣрное взволнованное, страстное лицо.

Дайте ее всю, огромную, бездумную, безпредѣльную.

Она смотритъ. У ней заалѣли губы, и
голосъ какъ музыка,— да, да, да.

Провожая ее до лѣстницы и стою. Кто-
то кладетъ мнѣ на плечи добрыя дружескія
руки.

Я счастливъ,— говорю я гордо. Сегодня
начинается медовый мѣсяцъ моей новой
любви.

А залы уже опустѣли. Холодны и прямы
бѣлыя стѣны. Сонные лакеи жмутся къ
нимъ, какъ зеленые призраки людей.

*
* *
*

Грустенъ мартовскій вечеръ. Лѣнивыя
капли падаютъ съ крыши. Въ воздушно-
сѣромъ полумракѣ ея комната. На темной
спинкѣ дивана пепельная головка.

Капризно приподнятые уголки губъ.
Тонкая шея наклонена красивымъ изги-
бомъ.

Дай мнѣ всю твою любовь, огромную, бездумную, безпредѣльную.

Да,—шепчетъ она.—Я уже страдаю безъ тебя. Сегодня, передъ нашей встрѣчей, я стояла въ темной прихожей. У меня билось сердце и холодѣли руки. Все казалось, что ты не придешь.

Ты чувствовалъ мою тревогу?

Она кладетъ голову на мои колѣни и закидываетъ руки.

Гдѣ-то близко плачетъ ребенокъ, гдѣ-то играютъ изъ «Карменъ» — «въ чудномъ саду, близъ Севильи, другъ мой живетъ. Пойдешь ли ты за мной Карменъ?»...

Она опускаетъ рѣсницы и улыбается:— Слышишь жизнь? Какъ странно, какъ чудесно — мы въ огромномъ мірѣ и мы въ маленькой ячейкѣ непонятно живого дома, гдѣ бьются тысячи неизвѣстныхъ сердець. Мы двое — и счастье.

Мы молчимъ. А съ крыши все падаютъ

тяжелыя теплыя капли,— это умиленно и сладко плачетъ весна.

Ахъ, обойми меня крѣпче! Вотъ такъ...

Словно издали вижу большіе вспугнутые глаза. И тонкія руки, протянутыя изъ тьмы.

Рядомъ тайна чужого и близкаго тѣла. Который разъ!..

Говори,— просить она.— Пусть звучать тѣ слова, которыя смѣетъ произносить только любовь.

И я шепчу дикія, безстыдныя признанія, Въ нихъ влагаю стонъ пустой одичалой души.

. . . Въ комнатѣ тихо. Въ блѣдный четырехугольникъ окна угрюмо смотритъ косой уголь сосѣдняго дома, и выше полоска ночного жемчужнаго неба.

Замолкъ рояль. Только падаютъ, падаютъ капли.

Если я сейчасъ не буду говорить и не

услышу ея голоса, я стану кричать безсловеснымъ сдавленнымъ крикомъ. Можетъ быть, изъ груди моей вырвется протяжный звѣриный вой...

И я говорю: ты мой нѣжный весенній цвѣтокъ. Желтенькій цвѣточекъ на тоненькой ножкѣ, который благоуханно молится солнцу.

Скажи мнѣ, что я твое солнце. Расскажи мнѣ о твоей любви, о нашемъ ясномъ радостномъ завтра.

Точно послѣ долгаго тягостнаго сна, затуманеннымъ, безчувственнымъ взглядомъ смотрятъ большіе сѣрые глаза, и руки упали, какъ срѣзанные стебли.

Лицо куклы безжизненной бѣлизной застыло на темной подушкѣ.

Наклоняюсь низко. Отчего ты молчишь? Отчего ты молчишь?

Она протяжно вздыхаетъ, розовыя губы съ приподнятыми уголками движутся съ

трудомъ, и шепчетъ: не могу... Я давно уже ничего не могу.

Вотъ здѣсь пусто. Она ударяетъ себя въ грудь, и мнѣ слышится стукъ въ пустой деревянный ящикъ.

Садится на диванѣ. Тонкіе пепельные волосы растрепались, дѣтскія губы изогнулись горькой гримасой.

Такъ вотъ что! Мы не узнали другъ друга.

Мнѣ хочется расхохотаться, но я дѣлаю печальное кроткое лицо, становлюсь на колѣни и говорю: — все придетъ. Я вѣрю, придетъ.

Кто изъ насъ не знаетъ этого временнаго утомленія души? Оно только отдыхъ — легкой сонъ онѣмѣлыхъ чувствъ.

Цѣлую холодный фарфоровый лобъ и улыбаюсь искренно, нѣжно.

Зажигаемъ лампу подъ зеленымъ абажуромъ. Въ комнатѣ просто и уютно,

будто сошлись мы для веселой и легкой бесѣды.

Говоримъ о новыхъ книгахъ, о веснѣ, о гастроляхъ извѣстной артистки, а надъ бѣлой крышей сосѣдняго дома занимается заря.

Въ темной прихожей, гдѣ нѣсколько часовъ тому назадъ разыгрывалась прелюдія нашей любви, я разыскиваю калоши и зонть.

Потомъ синяя полоса разсвѣта врывается въ дверь.

Цѣлую капризно вздернутыя дѣтскія губы.

Ахъ! жестоко и грубо вонзиться въ нихъ зубами, чтобы выступили мелкія капельки крови, чтобы раздался живой испуганный крикъ...

Но я уже на лѣстницѣ. Я внизу, сую двугривенный сонному швейцару и выхожу.

Хочется хохотать громкимъ циническимъ

смѣхомъ и стучать палкой въ холодныя
стекла занавѣшенныхъ оконъ. Проснитесь!
Проснитесь же — сама смерть идетъ мимо
васъ.

А я иду и напѣваю:

«Въ чудномъ саду близъ Севильи другъ мой
живетъ»...

ОСЕНЬ.

Я давно уже не люблю осени. Можетъ быть, съ тѣхъ дней, когда изсякло безумно-юное опьяненье души, которсе мы переживаемъ разъ въ жизни, только разъ въ жизни. Но какъ это случилось,—не помню.

Вотъ однажды заснулъ, еще опьяненный, во снѣ дышалъ сладко и жадно, а утромъ открылъ глаза—они были тусклы и не хотѣли свѣта, и я понялъ, что все позади.

Можетъ быть, это произошло въ осеннее утро. Той ночью въ первый разъ кри-

стальный налетъ иея лунными пятнами лежалъ на крышахъ, и деревья трепетали отъ холода мелкой мучительной дрожью. А день былъ тихій и жаркій, съ страстными оттѣнками золота и крови. Только въ его голубомъ взглядѣ залегла стеклянная неподвижность—вѣчная память о жестокой ночи.

Вы замѣчали, какъ осенью звонятъ колокола? Совсѣмъ особенно, точно сзываютъ мѣръ на большой прощальный праздникъ. Этотъ пронзительно-грустный звонъ плыветъ надъ улицами тяжелой пѣвучей волной. Его слышишь вездѣ—на бульварахъ, въ кафэ, въ ресторанахъ.

Въ комнатѣ черезъ закрытыя окна проникаетъ онъ, заглушенный музыкой чьей-то неутѣшной грусти. Отъ него хочется стиснуть зубы и заломить руки.

На улицахъ въ этотъ часъ особенно шумно. Но онъ уже вечернія и призрач-

ныя, и обыденныя фигуры людей отъ сумерекъ и мглы кажутся нарисованными на плоскости — черными печальными тѣнями.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ за огромнымъ гладкимъ стекломъ цвѣточного магазина появляется первая тубероза — тонкій блѣдно-зеленый стебель, измученный и хрупкій, два-три распустившихся мертвенно бѣлыхъ цвѣтка. Въ густомъ опьяняющемъ запахѣ сладкая отравя тлѣнья и смерти. Можетъ быть, такъ пахнетъ въ комнатѣ чьей-то мертвой невѣсты, и такъ же, какъ длинные бѣлые бутоны, влажно-холодны и тяжелы неподвижные пальцы сложенныхъ рукъ.

Они всегда появляются осенью — эти страшные сладкіе цвѣты. Ихъ запахъ — одна изъ нотъ ея мелодій, одинъ изъ звуковъ ея похороннаго напѣва, который поютъ вечерніе колокола, блѣдно-золотые

закаты и невѣдомо о чемъ загрузившія
человѣческія души.

* *
*

Вечеръ. Колокола звонятъ, медленныя
сумерки острой тоской ложатся на грудь.
Все позади, все ушло.

Странное Существо, твое лицо блѣднѣй
лепестка туберозы, — почему ты сегодня со
мною?

Третьяго дня я увидалъ тебя въ первый
разъ. Ты понимаешь, — длинная, длинная
жизнь безъ тебя. Тамъ было другое лицо
и другіе глаза. Они еще смотрятъ на меня
иногда безсильнымъ погасшимъ взглядомъ,
но холодная осень сковала губы и съ
нихъ не срывается зовъ.

Она смотритъ безъ удивленья, безъ укора,
будто издали, будто сквозь дымно-бѣлый
холодный туманъ и говоритъ:—Развѣ мы
что нибудь знаемъ? Помнишь тогда вече-
ромъ—я почувствовала тебя среди другихъ.

Ты передалъ мнѣ черезъ столъ стаканъ вина, и отъ твоего невольнаго прикосновенія у меня задрожали пальцы. А потомъ ты поцѣловалъ меня взглядомъ и позвалъ.

Склоненный профиль правильно тонкимъ рисункомъ выступаетъ изъ пепельной мглы — бездумный и нѣжный.

Такія лица бываютъ у мертвыхъ, когда еще близкіе, но уже навсегда простишіеся съ землей, они улыбаются съ погребальныхъ подушекъ неизъяснимо-сладкой улыбкой сомкнутыхъ губъ.

Гдѣ я видѣлъ тебя? Можетъ быть, это о тебѣ грезилъ Метерлинкъ въ своихъ рассказахъ о странной безстрастной любви, за плечами которой всегда дышитъ прекрасная нѣжная смерть?

Можетъ быть, это отблескъ твоей улыбки сіяетъ въ безсмертныхъ видѣньяхъ Леонардо-да-Винчи?

Отчего ты такъ странно печальна?

— Я не печальна,—отвѣчаетъ она, улыбаясь еле замѣтнымъ трепетомъ губъ. Я не умѣю и не знаю, зачѣмъ говорить. А развѣ ты боишься молчанья?

Она откидываетъ голову. Тускло - черныя кудри упали на спинку кресла. Нѣжное мертвое лицо съ восковой бѣлизной на вискахъ, съ синей тѣнью рѣсницъ на холодныхъ щекахъ выпуклымъ рисункомъ выступаетъ изъ траурной рамы.

Что я знаю о ней? Что могу я сказать? Это сонъ осенней безрадостной ночи. Это туберозы за черными стеклами витринъ нѣмымъ цвѣточнымъ языкомъ рассказываютъ странную волнующую сказку о мертвой невѣстѣ.

— Тебя не будетъ завтра?

— Да, — отвѣчаетъ она тихо.—Но сегодня я буду съ тобой. Мнѣ хорошо.

Сгущается мракъ. Едва вижу бѣлую

лвию лба и темные глаза — открытые или закрытые — не знаю. Холодные тонкіе пальцы чуть касаются моей руки, и она молчитъ.

Я слышу ровное дыханье, вижу блѣдныя кисти слабыхъ рукъ и тихо качаюсь въ прекрасномъ тоскующемъ снѣ.

Склоняемся нѣжно и близко. Но гдѣ же мы, гдѣ мы?

— Отъ твоихъ губъ пахнетъ листьями, — говоритъ она улыбаясь.

— Какими листьями?

— Не знаю. Точно въ лѣсу. Я люблю тебя.

Окна открыты. Синіе глаза фонарей острыми точками вспыхнули во тьмѣ.

Исчезъ изъ глазъ знакомый каменный рисунокъ. Въ его узорѣ, спутанномъ ночью, — какія-то арки, мосты и аллеи. Ихъ не было днемъ. Все другое, все непохоже на правду.

— А завтра тебя не будетъ.

Она прикладываетъ пальцы къ моимъ губамъ капризно - дѣтскимъ движеніемъ и говоритъ: — Зачѣмъ ты о завтра? Неужели ушла всеблагая легкость и радость, улыбка въ любви и страданьяхъ? Я не люблю тяжелаго, надрывнаго, я знаю только ясную радость сближеній — свѣтлые сны моей души.

Покорно цѣлую похолодѣвшіе пальцы. Да, это сказка о мертвой невѣстѣ.

Должно быть, поздно. Весь домъ затихъ и не грохочутъ пролетки.

А можетъ быть, умеръ весь міръ? Можетъ быть, мертвы мы оба и гдѣ-то въ глухой изначальной тьмѣ доживаемъ послѣдніе трепеты земныхъ волнующихъ чувствъ?

Ея голова у меня на колѣняхъ. Руки спокойно лежатъ на груди.

— Ты хочешь спать, спрашиваю я, и самъ удивляюсь вопросу — спать въ эту ночь!

Да, — отвѣчаетъ она, улыбаясь, какъ сонный ребенокъ. Снимаетъ платье и стоитъ въ бѣлой рубашкѣ, тонкая, невинная съ печальнымъ лицомъ.

— До тебя меня не ласкалъ никто, говоритъ она серьезно. Тебя это радуетъ или печалитъ?

Ложимся близко. Нѣжныя руки обвили мнѣ шею душнымъ кольцомъ. Останься такъ — шепчетъ она, засыпая. Засни около меня. Мы близки давно, точно съ дѣтства я знала тебя.

Я засыпаю и просыпаюсь. У меня на плечѣ ея волосы и близко ровное дыханье.

Иногда мнѣ казалось, что я уже умеръ — такъ далека была жизнь, такъ нѣмо и холодно тѣло.

Проснулся я первый на разсвѣтѣ. Кто-то злой укололъ меня въ грудь заостренной и тонкой иглой. Я открылъ глаза и понялъ — навсегда. Наклоняюсь надъ ней,

цѣлую блѣдный лобъ и спутанныя кудри,
узкія кисти рукъ, сложенныя на груди,
цѣлую съ благодарностью и изумленьемъ.

Она открываетъ глаза. Утро уже бросило
въ нихъ суровыя синія тѣни.

Не смотри такъ. Я знаю, не нужно ни
слезъ, ни тоски.

* *
* *

Потомъ все было просто. Она одѣва-
лась и казалась маленькой гимназисткой,
спѣшащей на урокъ. Потомъ я шелъ за
ней по лѣстницѣ и несъ черный кожаный
сакъ.

Помню блестящіе мѣдные гвоздики —
по три у каждаго ремешка. Помню пустую
утреннюю улицу и липкій мокрый асфальтъ.
Ъхали молча. Сѣдой туманъ ложился на
ея щеки, и непроницаемо смотрѣли ея
дневные суровые глаза.

На вокзалѣ почему-то пили чай. Рядомъ

за столикомъ шумѣли инженеры, а въ глаза мнѣ тупо и прямо смотрѣло бѣлое лицо вокзальныхъ часовъ.

Только прощаясь, я увидѣлъ еще ея улыбку — истомленный трепетъ поблѣднѣвшихъ дѣтскихъ губъ. Вотъ и все. Когда поѣздъ медленно отходилъ отъ платформы, я бросился за ея вагономъ. Надо было догнать, надо было сказать... Но огромная пустая телѣга для багажа загородила мнѣ дорогу. Кто-то грубо схватилъ меня за плечо, и я очнулся.

И все было грубо и просто въ это мокрое осеннее утро.

ЛЮБОВЬ.

Страницы изъ записной книжки.

Слушайте: единственная связь, которая у меня осталась съ вами, — это нѣсколько бѣлыхъ страницъ въ записной книжкѣ. Въ нихъ я откликнусь на ваши испуганные голоса послѣдними словами, что произнесу въ этомъ мѣрѣ.

Сегодня ночью, въ огромномъ спящемъ городѣ, среди милліона людей, вы искали кого-то съ моимъ лицомъ и моимъ преступленьемъ, но уже не меня. Меня нѣтъ. У меня другая душа и навѣрно другое ли-

цо. Хотя знаете, на мнѣ еще тотъ же черный сюртукъ и бѣлый галстукъ, какъ вы видѣли въ ту ночь. Только, должно быть, это очень смѣшно и жалко среди деревьевъ запущенныхъ снѣгомъ, въ чистой тишинѣ лѣснаго ноябрьскаго утра.

Я сижу на землѣ. Она твердая бѣлая, и мнѣ очень холодно. Но безумное волненіе ночи все еще жжетъ мою кровь и не даетъ ей свернуться твердыми красными шариками. И пальцы мои двигаются свободно, чѣмъ въ ту минуту, когда я почувствовалъ въ нихъ холодъ чьей то близкой смерти. Но объ этомъ послѣ. Я хочу быть послѣдовательнымъ отъ начала до конца.

Вы видѣли ее мертвую въ моей комнатѣ? Навѣрно уже свѣтало, а лампа все горѣла ненужная и слишкомъ яркая.

Я не затушилъ ее, уходя. Вазу съ фруктами на столѣ — помните? Большіе красные яблоки, свѣжіе и веселые — они мнѣ

напоминали забытые и простые вечера детства. Какъ они были неумѣстны вблизи ея закинутого блѣднаго лица!

Вы поразились какъ громомъ. Вѣдь, въ ту ночь былъ нашъ праздникъ, и многіе изъ васъ видѣли насъ вмѣстѣ — близкими, нѣжными, какъ всегда.

И вдругъ — смерть, пятна крови на полу, и мы оба чужіе вамъ, съ новыми страшными именами.

Но, — увѣряю васъ, — я и самъ не зналъ, что это случится. Мы ничего не знаемъ о себѣ. Ничего!

Завтра каждый изъ васъ безъ всякихъ предвѣстій можетъ ощутить въ себѣ кого-то неизвѣстнаго. И этотъ новый, возникшій изъ черныхъ глубинъ, всегда таинственной человѣческой души, — спокойной рукой взломаетъ кассу, убьетъ роднаго отца, зарѣжетъ любовницу. И въ меньшемъ —

предасть друга или продать свою душу за недорогую, но сходную цѣну.

Помните, мы сидѣли за столикомъ? Видѣли бутылку вина передъ нами, веселыя звонкія рюмки и наши улыбающіяся лица?

Мы всѣ умираемъ улыбаясь. Такова наша эпоха. Ея имя запишется въ исторіи челоуѣчества огромными буквами цвѣта крови.

Давно, два года мы ведемъ одинъ и тотъ же разговоръ.

«Симоне Іонинъ, любишь ли ты меня?» съ тоской спрашивалъ Христось, пророчески проникая въ позорную страницу будущаго одного изъ любимѣйшихъ учениковъ.

— Любишь ли ты меня,—спрашиваю я каждую встрѣчу, всегда, предчувствуя близкій и страшный конецъ.

— Любишь ли ты меня? спросилъ я ее въ ту ночь, и сердце сжалось темнымъ предчувствіемъ бѣды.

Она перегнулась через столикъ. Красивая, жестокая, съ равнодушно-веселыми глазами и сказала:

— Конечно, но до предѣла.

Потомъ тонкая складка гнѣва легла надъ ея бровями, а глаза задернулись холодной стеклянной пленкой.

— Твоя любовь всегда была требовательная, грубая. Я чувствую, какъ она опредѣляетъ впередъ каждый мой шагъ и говоритъ: «ты должна». Давай же, наконецъ, дадимъ другъ другу свободу и не будемъ требовать ничего.

Темный холодъ залилъ душу, и изъ него, не я, а кто-то пьяный отъ боли отвѣтилъ покорно и тихо: «дадимъ свободу... не будемъ требовать ничего».

Играютъ матчишъ. Высокій человекъ въ нелѣпомъ красномъ фракѣ машетъ смывкомъ.

Крикливья звуки, какъ рой звонкихъ

мухъ, ударяются въ стѣны и гладкія стекла бластящихъ зеркалъ.

Я смотрю на нее длиннымъ безсмысленнымъ взглядомъ. Я точно наклонился надъ мертвой и вспоминаю.

Нѣтъ боли, исчезло время. Мы вдвоемъ въ маленькой узкой комнатѣ у голубого ночного окна. Внизу блѣдно-синей гирляндой опоясали площадь фонари. На открытомъ окнѣ широкая вѣтка яблони, вся сквозная, вся въ розовыхъ нѣжныхъ цвѣтахъ. Приплыла луна огромная, блѣдная, жадная, зацѣпилась за вѣтки и смотритъ:

— Развѣ такъ бываетъ, — смѣется она. — Это красивый японскій рисунокъ, а не городская весенняя ночь.

Развѣ такъ бываетъ, — говоритъ она серьезно, глубокимъ музыкальнымъ голосомъ, и лицо ея, голубое отъ луны, четкимъ рельефомъ выступаетъ изъ темнаго угла. — Нѣтъ ни тебя, ни меня. Нѣтъ воли ни

твоей, ни моей. Мы одна струна, поющая о любви.

Я наклоняюсь низко. У меня нѣтъ словъ. Мы одна струна, поющая о любви... Цѣлую ея колѣни. Теплое, таинственно-близкое тѣло сквозь гладкое твердое платье, и знаю — нѣтъ предѣла не будетъ разлуки ни въ жизни, ни въ смерти.

... Чужое лицо съ жестокими смѣющимися губами близко, какъ въ страшномъ снѣ, отъ котораго не можешь, не можешь проснуться.

Все играютъ, играютъ матчишъ, все бьются въ виски горячія красныя волны. Весь залъ со столиками, съ людьми, съ низкой эстрадой, уставленной пыльными пальмами—одна больная голова, которая мечется въ предсмертномъ бреду.

— Ты умираешь?— насмѣшливо спрашиваетъ она. — Я не люблю погибающихъ.

Я люблю бодрость, счастливые лица, вѣчно юную улыбку жизни.

— О, если бы какъ ты — хотѣть только одного счастья! Развѣ я завтра не была бы счастливѣе васъ всѣхъ. Но я не хочу счастья. Твоего жалкаго счастья, скованнаго страстью раба.

Говорить, а зубы у нея бѣлыя, острия, какъ у тигра. Можетъ быть, ей хочется прокусить мнѣ шею тамъ, гдѣ кончается бѣлый край воротничка. Прокусить и смѣяться красными, испачканными кровью губами.

— Ты звѣрь, — говорю я и улыбаюсь. — Ты страшный, плѣнительный звѣрь. Но я люблю тебя, какъ три года назадъ, какъ вчера, какъ буду любить завтра. Развѣ знаемъ мы за что любимъ тѣхъ, кого полюбили однажды?

— Можетъ быть, ты зайдешь ко мнѣ сегодня? — спросилъ я. — И, вѣрьте, не зналъ, не зналъ ничего...

Было очень поздно. Утомленные глаза запоминали, какъ всегда, самые ничтожныя подробности минуты. Потому, вѣроятно, я вижу еще и сейчасъ большое зеркало въ прихожей, съ тонкой трещиной въ лѣвомъ углу, лицо лакея и широкую извозничью спину съ двумя рядами стеклянныхъ пуговицъ, остро поблескивающихъ подъ фонарями.

По дорогѣ молчали.

Порхали снѣжинки и падали мертвыя на ея рѣсницы и розовыя щеки.

И новыя кружились — бѣлыя и веселыя танцующія звѣзды.

Я плакалъ и смотрѣлъ въ небо. А луна низко стояла надъ крышами. Маленькая, синяя, какъ личико мертваго ребенка.

У меня въ комнатѣ было уютно, тихо и тепло.

Хотѣлось лечь на диванъ и смотрѣть на ея строгое точеное лицо, все матовое и

блѣдное отъ ночи, но уже безъ волненія, безъ острыхъ горестныхъ мыслей въ болѣзненно-сладкомъ полуснѣ.

А мы сидѣли рядомъ, говорили о ненужномъ, и оба чувствовали подъ словами что-то запутанное неразрѣшимое, тяжелое.

Я зналъ, что она думаетъ обо мнѣ такъ же, какъ я о ней, но на груди лежала холодная тяжесть. Отъ нея всѣ слова стали бы невѣрными, далекими отъ чувства, — и я молчалъ.

Потомъ она встала, прошлась по комнатѣ и остановилась у стола.

Была какая-то странная безцѣльность въ ея позѣ и въ безчувственномъ взглядѣ чуть прищуренныхъ глазъ. И было что-то безпокойное въ беспорядочно-откинутыхъ занавѣскахъ, изъ-за которыхъ тупо и неотвязно смотрѣла ночь.

— Я уйду, — сказала она просто. — Должно быть, очень, очень поздно. Теперь

увидимся не скоро, я занята всю недѣлю.
Ну, поцѣлуй меня, я уйду.

Я посмотрѣлъ на ея губы и отвернулся.

Она пожала плечами и вышла.

Мы прощались такъ часто въ послѣднее время. Я зналъ, что она еще вернется.

Будетъ стоять около меня и говорить. Долго, досадливо холодныя тусклыя слова. Представилъ, какъ войдетъ она уже въ калошахъ и шляпѣ, съ злымъ, утомленнымъ лицомъ и скажетъ — нѣтъ, не скажетъ, а презрительно хлестнетъ по лицу: «опять драма?»

Представилъ — и вдругъ ощутилъ что-то безжалостное, безразличное, роковое, какъ ночь, что смотрѣла въ лицо. Спокойными словно замершими пальцами выдвинулъ ящикъ стола...

Стѣны стали выше и тѣснѣе. На одну минуту мнѣ показалось, что лампа погасла. Но когда револьверъ былъ уже въ карма-

нѣ, я вновь увидѣлъ нѣжно зеленый кругъ абажура и совсѣмъ близко ея лицо. Насъ отдѣляли поларшина.

Куда? думалъ я, и ритмъ моихъ мыслей былъ правиленъ и четокъ.

Поняла ли она? Я не знаю, потому что больше не видѣлъ ни ея лица, ни широкихъ стройныхъ плечъ, ни знакомыхъ рукъ въ сверкающихъ кольцахъ, а стрѣлялъ наудачу сквозь бѣлый тяжелый туманъ. Въ послѣдній мигъ широкой завѣсой закрылъ онъ весь міръ и жизнь, и если я еще пишу вамъ о страданьи и крови, то это послѣднее гаснущее воспоминаніе.

Было легко итти по улицамъ. Онѣ тянулись правильныя, широкія, бѣлыя. И душа была бѣлая легкая, первый разъ созрѣвшая для смерти.

Для вольной смерти и праваго суда.

Какъ пѣвуче шумѣли сосны за заставой!

Встрѣтили меня словно сына и, важныя, старья, осѣнили зелеными вѣтвями.

Сейчасъ онѣ шумятъ надъ моей головой, и мнѣ хочется пѣть вмѣстѣ съ ними какую-то новую пѣснь безъ словъ — о Любви и Смерти, о Вѣчномъ Покоѣ и освобожденіи отъ мукъ.

Застываютъ пальцы. Мнѣ пора.

Я лягу въ мягкій, синій снѣгъ, сложу на груди помертвѣлыя пальцы, буду широко открытыми глазами смотрѣть въ высокое блѣдное небо, и ко мнѣ придетъ любовь.

Розовая вѣтка яблони закачается на весеннемъ окнѣ, приплыветъ луна и зацѣнится за тонкія вѣтки.

Милое лицо наклонится надъ уходящимъ съ сладкой тоской, а тамъ, вдали, въ колючей чащѣ елокъ, встанетъ старый лѣсной Богъ, протянетъ дряхлую, нѣжную руку и скажетъ:

«Благословенны и смерть и любовь».

СОДЕРЖАНИЕ:

	<i>Стр.</i>
Она придетъ	5
Ложь.	19
Рабъ.	26
Весной	36
Я и собака.. .. .	45
Бродяга	56
Сѣверная сказка	70
Призраки.. .. .	86
Осень	100
Любовь	111

Книгоиздательство „ГРИФЪ“.

- I Альманахъ „Грифъ“. Москва, 1903. 1 р.
К. Д. Бальмонтъ. Только любовь. Стихи. 1904. Обл. раб. М. Дурнова. 2 р. (Распродано).
Оскаръ Уайльдъ. Саломея. Пер. Л. и С. Андрусонъ, подъ ред. К. Д. Бальмонта. Обл. М. Дурнова. Москва. 1904. 1 р. (Распродано).
- II Альманахъ „Грифъ“. Москва. 1904. 1 р. 25 к.
К. Д. Бальмонтъ. Горныя вершины. Статьи. Т. 1. Искусство и литература. Москва, 1904. Обл. М. Дурнова. 2 р.
Андрей Бѣлый. Возвратъ. III симфонія. Обл. В. Владимірова. Москва. 1905. 1 р.
Ө. Сологубъ. Книга сказокъ. Обл. М. Дурнова. 1905. 80 к.
Александръ Блокъ. Стихи о Прекрасной Дамѣ. Обл. В. Владимірова Москва. 1905. 1 р.
А. Л. Миропольскій. Вѣдьма. Лѣствица. Поэмы. Предисл. Андрея Бѣлаго. Обл. В. Владимірова. Москва. 1905. 1 р.

- III Альманахъ „Грифъ“.** Обл. В. Владимірова. 1905. 1 р.
30 к.
- Оскаръ Уайльдъ.** De profundis. Записки и письма изъ
Рэдингской тюрьмы. Пер. Е. Андреевой. 1905. (Рас-
продано).
- К. Д. Бальмонтъ.** Литургія Красоты. Обл. М. Сабашни-
ковой. Москва. 1905. 2 руб.
- К. Д. Бальмонтъ.** Фейнныя сказки. Дѣтскія пѣсенки. 1906.
80 к.
- Оскаръ Уайльдъ.** Портретъ Доріана Грѣя. Перев. Минц-
ловой. Нумеров. изданіе съ рисунками М. Дурнова.
Москва. 1906. 3 р.
- Оскаръ Уайльдъ.** Замыслы. Пер. Минцловой. Обл. раб.
В. Миліоти. Москва. 1906. 1 р. 40 к.
- А. Курсинскій.** Сквозь призму души. Обл. Н. Сапунова.
Москва. 1906. 1 р.
- Л. Вилькина-Минская.** Мой садъ. Сонеты и рассказы
Обл. раб. В. Миліоти. Москва, 1906. 1 руб.

Послѣднія изданія.

- А. Кондратьевъ.** Сатиресса. Мифологическій романъ. 1 р.
- Федоръ Сологубъ.** Истлѣвающія личины. Рассказы. 1 р.
- Сергій Кречетовъ.** Алая Книга. 60 к. (конфискована
Моск. Генераль-Губернаторомъ).
- Нина Петровская.** Sanctus amor. Рассказы. 70 к.
- Иванъ Новиковъ.** Духу Святому. Стихи. Обложка Н.
Крымова. 1 р.
- О. Дымовъ.** Земля цвѣтетъ. Рассказы. Обложка З. Эліа-
сбергъ-Васильевой. 1 р.
- К. Бальмонтъ.** Только любовь. II изданіе. Стихи. 1 р.

ГОТОВЯТСЯ:

- Андрей Бѣлый.** Адмиралтейская игла. Историч. романъ.
С. Ауслендеръ. Золотыя яблоки. Разказы и романъ.
Выдетъ въ январѣ 1908.
- Оскаръ Уайльдъ.** De profundis. II изданіе. Перев. Е. Андреевой. Подъ редакціей К. Бальмонта. Выдетъ въ январѣ 1908.
- В. Ходасевичъ.** Молодость. Стихи. Выйдутъ въ январѣ 1908.
- Сергѣй Кречетовъ.** Вторая книга стиховъ. Выдетъ весной 1908.
-

Складъ и редакция: Москва, Тверская, Козицкій пер., д. Бахрушина, 7-й подъездъ, кв. 198. **Телеф. 60-56.**

Адресъ для денежных переводовъ: Москва, Козицкій, д. Бахрушина, кв. 198. **С. А. Соколову.**

Петербургское отдѣленіе: Книжн. магазинъ И. Митюрникова. Литейный. 31.

При непоср. выпискѣ пересылка на счетъ „Грифа“.

Редакторъ С. А. Соколовъ.

60 н.